П. Н. КРАСНОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ДОНА

I

КАЗАЧЬЯ БИБЛИОТЕКА

№ 1

ИЗДАНИЕ

ЖУРНАЛА „НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ"

П. Н. КРАСНОВ

Исторические очерки Дона

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

ВСЕВЕЛИКОЕ ВОЙСКО ДОНСКОЕ

КНИГА ПЕРВАЯ:

С давнего прошлого по сентябрь 1613 года

Издание журнала «На Казачьем Посту»

1943 г.

PK-LEHRDRUCKEREI

Исторический край бесконечной борьбы,
Край казачества, вольности, славы,
Подвергался не раз ты ударам судьбы,
Сын свободной великой державы...

Ты героев гнездо, где родился Ермак,
Где явился граф Платов, Бакланов,
Богатырь чародей, нагоняющий страх
На чеченцев и гордых османов...

Чулков.

I.

Давнее прошлое Юго-востока Европы. Степь. Первые ее насельники, о которых упоминает история — скифы. Греческие колонии. Город Танаиды. Хозарская крепость Саркелы. Половцы. Позднейшие раскопки. Греческие вазы с изображениями скифов.

Широкая, на тысячу верст, равнина между южными отрогами Уральского горного хребта и восточными окраинами Карпатских гор, перерезанная низовьями мощных полноводных рек Яика (Урала), Волги, Дона и Днепра — бесконечная, бескрайная степь — «Поле», с глубокими оврагами-балками, поросшими дремучими лесами — ворота, проходной двор народов Азии в Европу.

Ни высоких гор, ни скалистых хребтов, ни естественных оборонительных рубежей. Только реки, замерзающие зимою, с низкими левыми и возвышенными, в холмах, правыми берегами. Равнина, ширь. Простор необъятный.

Весной — синь небесная на верху, синь цветочная, степная внизу. Тюльпаны, лютики... Серебристый ковыль струит седые султаны по ветру. Простор и корма для табунов диких коней, для стад сайгаков и оленей, для зайцев. В балках всяким зверем полно. По степи дудаки-дрофы гуляют, стаи куропаток, перепелов. В небе льется непрестанная сладкая песня жаворонков. По степным озерам, по речным заводям и протокам — что птицы!.. Лебеди, дикие гуси, утки всевозможных пород. Гордо в небе парит царственный орел и голубая тень от его широко разметанных крыльев дрожит на ветром колышимой траве.

Летом от нестерпимого зноя погорит степь. Никнет к земле сухая желтобурая трава. Степной пожар палом пробежит по степи, до черна выжжет землю, избороздит глубокими трещинами, щелями.

Под осень прольют дожди. Иголками зеленой яркой травы покроется погорелое место. Отдохнет, оживет птица и зверь. И вот уже готовится она к дальнему отлету. В сентябре, когда катит по степи сухое «перекати-поле» и плывет по воздуху серебряная липкая паутинка — слышно в небе глухое, будто гортанное, курлыканье журавлей,

несутся их стаи на юг. Тянут гуси и лебеди, понеслись утки, исчезли, умолкли жаворонки. Глубоко зарылся в балке в берлогу степной медведь. Сайгаки сбились в стада, хоронятся в затишке. Голодный волк воет в степи. Кричат по ночам шакалы.

А когда зимою дохнет из Сибирских просторов северо-восточный ветер, закружит снежным маревом, запуржит страшными буранами — вымрет степь. Мороз прочными мостами скует реки. Толстым саваном на сажень и больше покроется земля снегом. Жизнь притаится в степи. Тощают и гибнут табуны. Крепким копытом роют снег кони, пробивают ледяной наст, гложут замерзшую, сухую траву, лижут холодную просоленную землю.

Мертвый, страшный край. Нет в нем жизни.

Таким рисовался он древним греческим и римским колонистам — страна скифов и сарматов. Историк Геродот сказал о нем: ...« в Скифии нет ничего достопримечательного, кроме рек, ее орошающих. Они велики и многочисленны»...

Конец света. Дальше — Гиперборейские страны — холод... мрак... Не отваживались итти туда ни греческий купец, ни римский воин-завоеватель. Теснились к берегам теплых морей — Азовского и Черного. Там ставили они свои торговые города, строили военные крепости для гарнизонов.

Римские историки, описывая этот край, указывают, что населяли его скифы и сарматы. Реку Дон называют они Танаисом и в низовьях его отмечают, в 9 верстах от устья реки Мертвого Донца, между теперешними селеньями Недвиговкой и Сенявкой греческий город Танаиды.

В недавнее время, уже при большевиках, профессор археологии Г. А. Миллер произвел раскопки около станиц Цымлянской и Семикаракорской и нашел остатки большого города. Найдены были обломки керамики, по рисунку и клеймам сходные с греческими рисунками Византийской эпохи X — XII веков. Белые кирпичи фундаментов показали, что тут была большая крепость и много зданий: это остатки древнего хозарского городка Саркеллы. Хозары вытеснили до Рождества Христова скифов и стали в долине реки Дона и Донца.

Хозар вытеснили в свою очередь печенеги, затем половцы.

И ничего живого не осталось от первых насельников придонской земли. Ни людей, ни живого их языка, ни преданий, ни сказаний, ни песни, ни крови их, ни рода, ни племени.

Сухой мертвый рассказ летописцев о скифах, искусных наездниках, служивших в Римском войске и славившихся, как неустрашимая конница.

В Петербурге, в Эрмитаже хранились две художественные вазы: Чертомлыцкая, серебряная, тонкой работы, IV века до Рождества Христова, греками сработанная — и на ней изображения скифов, укрощающих диких коней и Кульобская ваза из электрона, смеси золота и серебра, — тоже греческой работы III — IV века до Рождества Христова, найденная близь Керчи, на ней тоже изображения скифской жизни.

Еще при раскопках на местах греческих колоний найдены были статуэтки, изображающие оленя, сраженного стрелой, женщин охотниц, обломки копий и стрел, женские уборы — все художественной греческой работы.

А люди? А их потомки? Их дети, внуки, правнуки — кровь отцов, скифов, гунов, аваров, венгров, хозар, печенегов, половцев, всех тех, кто давно, давно в стародавние времена населял Донские просторы? Куда девались они? Что сталось с ними?

Одни прошли через «Великие Европейские Ворота» на запад за Карпатские горы и там осели, изменив имена и обычаи. Другие безследно исчезли и говорит о них лишь чужая Римская история, да находят мертвые останки их ученые археологи, чуть приоткрывающие перед нами завесу прожитых веков.

Что-же случилось с ними и почему они бесследно исчезли, не оставив своего семени?

II.

Нашествие татар. Батый. Разгром русских городов. Мамай. Куликовская битва. Димитрий Донской. Нашествие хана Тохтамыша на Москву. Тамерлан. Татарские царства и ханства на Востоке и Юго-востоке Европы. Татарское иго. Его последствия для Руси. Первые слухи о казаках.

Как сибирский зимний буран налетает на степные просторы, покрывает снежным покровом землю и убивает травы и листву, мертвит степь, так умертвили, уничтожили, без остатка избили людей, населявших низовья Яика, Волги и Дона татарские орды, в начале XIII века хлынувшие неудержимым потоком из Азии в Европу.

В 1224-м году на хозарскую крепость Саркеллы, на становища половецкие, повалили татары. Летописцы сказывают, что от поднятой татарскими ордами пыли потускнело и затмилось солнце. Ржанье тысяч коней, рев верблюдов, крик ослов, скрип тяжелых арбяных колес, голоса людей слились в немолчный гул. Точно море шумело, ревело и билось о скалы. На небольших, крепких, выносливых конях, вооруженные саблями, луками и стрелами татары раскинулись по степи бесконечными лавами и стали ставить свои кибитки.

Они шли волнами, волна за волной, все за собой уничтожая. Хан Батый (1238 г.) пошел на Русскую землю и потопил ее в крови. Летописец бесстрастно отмечает, что в Торжке татары перебили всех жителей, в Козельске — не только все взрослое мужское население, но и женщин и детей; в Переяславле половину жителей истребили, а другую увели в плен; в Киеве от большого цветущего города осталось не более 200 домов, в окрестностях валялось бесчисленное множество черепов и человеческих костей, разбросанных по полям; в городе Ладыжине, на Буге, сдавшееся население было поголовно истреблено. Во Владимире Волынском не осталось ни одного живого человека. Церкви были забиты трупами. За один февраль 1238-го года татары Батыя взяли 14 городов, не считая слобод и погостов. Население, где могло, бежало в леса, страна обнищала и запустела.

Татарское иго нависло над Русской землей.

Прошло полтораста тяжелых черных лет рабства под татарами. Мамаевы орды прочно стояли в «Поле», поставили свои села-«улусы». Русская жизнь исчезла. Летописец отметил: — «где прошел татарский конь, там трава не росла»...

Враждовавшие между собой Русские князья пришли, наконец, к единению, собрали большую рать и выступили против татар. 8-го сентября 1380-го года, на Куликовом поле, на реке Непрядве, под водительством князя Димитрия Донского Русские нанесли татарам первое поражение. Это еще не была победа, она не дала желанной свободы от татарского ига, но Русские увидели, что с татарами можно сражаться и в будущем их можно будет победить.

И еще прошли жуткие годы неволи. В 1381-м году татарский хан Тохтамыш ворвался в Москву и учинил там кровавую расправу над жителями. Историк Костомаров так описывает это нашествие: когда татары ворвались в Кремль, наполненный беглецами, «несчастные москвичи, мужчины и женщины, дети метались в беспамятстве туда и сюда; напрасно думали они избавиться от смерти; множество их искало спасение в церквях, но татары разбивали церковные двери, врывались в храм и истребляли всех от мала до велика. По известию летописца, резня продолжалась до тех пор, пока у татар не утомились плечи, не иступились сабли. Все церковные сокровища, великокняжеская казна, боярское имущество, купеческие товары — все было ограблено... ...Наконец, город был зажжен. Огонь истреблял тех немногих, которые успели избежать татарского меча... Страшное зрелище представляла теперь русская столица, недавно еще многолюдная и богатая. Не было в ней ни одной живой души; кучи трупов лежали повсюду на улицах среди обгорелых бревен и пепла, и растворенные церкви были заставлены телами убитых. Некому было ни отпевать мертвых, ни оплакивать их, ни звонить по ним»...

Подводя счет потерям, летописец отмечает: «погибло мало сказать — и тысяча тысяч!»

Через 14 лет, в 1395-м году на Европу, из глубин монгольских степей, с огромными силами двинулся покоритель Азии — Тамерлан. Европа замерла в ужасе, узнав о его приближении. Татары дошли до Ельца и повернули обратно.

Жуткие времена настали для южных и восточных границ Русских княжеств. Кругом стояли татарские силы, готовые каждый день обрушиться на Русь. На средней Волге утвердилось царство Казанское, по степям Яицким кочевала Ногайская орда, по низовьям Волги и на ее рукаве Ахтубе стало Астраханское царство, на Дону и Донце — огромная Золотая орда, в Крыму — Крымская орда, на Кубани — малая Ногайская орда...

Русские князья должны были платить татарам дань.

...«Свыше чем двухвековое общение с татарами», — повествует историк, — «постоянное соприкосновение с ними неизбежно привело к сильному огрубению нравов, к усвоению варварских понятий и привычек. В средние века два христианских народа, на двух противоположных окраинах Европы, терпели иго мусульманское: русские и испанцы; но последние находились в значительно лучших условиях: мавры принесли с собой высокую культуру, оставили после себя положительный след; они содействовали развитию знания и искуства и с избытком искупили нанесенный ими материальный вред; тогда как от татар Русский народ перенял, главным образом, жестокие пытки и кнут, рабское чувство низших перед высшими, привычку к произволу. Татары глушили чувства законности и нравственного долга и надолго грубую силу поставили выше закона»...

Русская женщина была заперта в терема, семья и мужья оторваны от благого женского влияния. Одежда стала походить на татарскую. Занятые татарами на востоке и на юге Русские были оттерты от запада. На западе в XV веке пышным цветом расцветала эпоха Возрождения — Россия как бы железной стеной была отгорожена от запада. Ни запад ничего не знал про таинственную Московию, подвластную татарам, ни Московия ничего не слышала про немецкие страны, про тамошнюю жизнь, про славные времена Возрождения наук и искусств.

Но эта шестивековая борьба (862 — 1462) России с кочевниками Азии — аварами, уграми, печенегами, половцами и монголами, бывшая величайшим бедствием Русских — является огромной заслугой Руси перед народами Западной Европы. Русские грудью своей отстояли Запад от страшных последствий татарского ига, приняв удары его на себя.

В те средневековые годы придонское «поле» носило название «Дикого Поля». Там кочевали татары, и горе было тому смельчаку, который вздумал-бы проникнуть в их улусы и зажить на их земле. Там не было европейцев, не было никаких потомков скифов и сарматов — там была только татарская орда.

Кто-же, однако, были «рязанские казаки», оказавшие своему городу Рязани помощь при столкновении с татарами в 1444-м году?

О ком пишет в Наказе великой княгине Рязанской Агриппине в 1502-м году великий князь Московский Иван III: «казнить тех, кто ослушается и пойдет самодурью на Дон в молодечество»?

Каких это «рязанских казаков» нанимала Великая княгиня Агриппина для провода ее людей к Азову для сношений с Крымским ханом, «которые-бы на Дону знали, чтобы послам ее от заполян лиха никакого не было»?

Что-же это за люди были — казаки Рязанские и заполяне, бесстрашно жившие и ходившие между татар по Дикому Полю?

III.

Кто такие были казаки? Отбор сильных и смелых. Жизнь в Диком Поле. Что обозначает слово казак? Как принимали всех казаки. Земля, заслуженная кровью многих поколений.

Разные то были люди, по разным причинам тянула их полная опасных приключений жизнь в Диком Поле.

Были люди, в ком «молодецкая сила живчиком по жилушкам переливалась», кого тянуло к вольной охотничьей жизни в дикой необъятной стране, богатой зверем, птицей и рыбой. Хотелось в волю пополевать, поиграть со смертью в схватках с татарами и победить смерть... Так шли русские и на Восток, в Азию, становились «землепроходцами», проходили неведомые страшные страны, доходили до Китая, бродили по берегам Ледовитого океана и открывали земли на Восточном океане. Так тянуло людей и на юг, к синему, никогда не замерзающему морю, к сказочным горам с серебрянными, вечным снегом покрытыми гребнями. Там сбывалось то, что слышали они в

заманчивой старой, старой сказке! Не беда, что там их в каждой балке смерть сторожила, что татарская стрела могла поразить из за каждого куста. Тем заманчивее, тем привлекательнее был поиск..

Шли те, кого сломило тяжкое горе. У кого родных увели в полон татары, у кого татары убили близких, мать, жену, детей, кому стал не мил родной дом, кому стало — «либо в стремя ногой, либо в пень головой». Размыкать горе, отомстить татарам шли они в Дикое поле.

Еще шли те, кому не в моготу становились привитые татарами на Руси жестокие нравы, холопская неволя, угодниченье перед боярами и помещиками. — Они шли искать вольной жизни.

Позднее, когда крестьяне были прикреплены к земле, когда круче становился помещичий произвол над жизнью крепостного раба — уходили люди от этого рабства, бежали от помещика на юг — «К казакам... На Дон»...

«С Дона» — слышали — «выдачи нет»!

Когда начались гонения за старую веру, за рукописные книги, когда Московская власть стала насиловать совесть людей, гнуть веру по своему, казнить и живьем сжигать не согласных с нею, пошли на северную окраину Дона, к рекам Хопру и Медведице, люди старого завета, потянулись и дальше — на реку Яик, становя там свои старообрядческие скиты и поселения. Твердые в вере, упорные, честные, трезвые и сильные то были новые насельники Дона и Яика.

Так и полнился Юг России пришлыми людьми.

Какие же это были люди?..

Уже самый путь, — долгий путь пешком, или в челноке по Дону и Донцу, реже на коне, на мало объезженной лошади, отнятой у татарина — был полон лишений и опасностей — редко кто мог его вынести. Доходили до казаков, становились казаками лишь самые крепкие и выносливые телом, самые волелюбивые, сильные и крепкие духом.

Не легка была и самая жизнь в Диком Поле. Полна лишений, тревог и опасностей. Татары были кругом. Каждый час могли наскакать, порубить, уничтожить пришельцев. Каждый час нужно было быть готовым дать отпор, вступить в страшный рукопашный бой. Нужно было держать «уши буравцом, а глаза огнивцем» — все слышать и далеко видеть. Здесь выживали только сильные, воинственные, зоркие и храбрые.

Шли почти без оружия. Разве, что засапожный нож был при путнике. Оружие нужно было достать, добыть с боя. Приходили отрепанные, больные — все нужно было получить с боя от врага татарина: — «добыть, альбо дома не быть»...

Устраивались в землянках, в камышевых городках — некогда было строить хорошие курени — да и не стоило. В одночасье пожгут их татары. Питались охотой и рыбной ловлей — «с травы, да с воды». Неделями голодали; мерзли зимой; томились от зноя летом. Хлеба не сеяли. Уже больше двух сот лет стояли по Дону казаки, а все был запрет сеять хлеб, а кто будет сеять, то того казнить смертью — так казаки были всегда готовыми к бою, не думая о полях и урожаях. В песне казачьей и по сей день поется:

— «У нас, на Дону, да не по вашему —
Не сеют, не жнут, да не ткут, не прядут,
Не ткут, не прядут, а хорошо ходют...»

Как же было то, что казаки были в ту пору и одеты и вооружены и гордо говорили про себя: — «все земли нашему казачьему житью завидуют», или «у нас зипуны сермяжные — да умы бархатные»...

В огромном большинстве эти насельники Дона были Русские из Рязани и Москвы, были люди и с севера, из под Новгорода — так есть предание, что Ермак был родом из Новгорода, были и Черкасы-малороссы из Украины, приходили и поляки, и горцы Кавказа — грузины и черкесы, но главное население были Великороссы.

Но люди эти перерождались на Дону и становились только казаками.

Долгая опасная путина на Дон закаляла их. Слабые отпадали. Поворачивая назад, отставали, гибли от болезней, от лишений, голода или от татарской сабли и стрелы. Так тяжкий молот лишений и опасностей выковывал стальные души казачьи. Становились «самодурью на Дону в молодечество» лишь те, кто не испугался угрозы Великого князя Московского Ивана III, что казнит их смертью. Происходил на Дону отбор самых лучших, самых крепких, выносливых и волелюбивых людей — рыцарей — казаков.

Враг был конный. Пришлось и этим людям садиться на коня. По татарски, так-же, как и по турецки легко вооруженный конный воин, без доспехов — панцыря, кольчуги и шлема назывался «гозак». Искаженное это слово и стало нарицательным для насельников Донских степей, и стали они называться везде и у себя и за пределами Дикого Поля — «казаками».

Когда проходили те люди линию сторожевых Рязанских крепостей и засек, вступали в Дикое Поле и пробирались узкими тропками на юг, или плыли на челне в скором времени окликал их громкий голос с вышки и слышался могучий посвист:

— Гей! Что за человек?

— Человек я Божий, — отвечал обычно пришлец, — обшит я кожей, крыт рогожей.

— Гей!.. Сам вижу. Чего пришел искать?

— Счастья пришел я искать. Воли Божией, у вас, у казаков, у вольных людей.

— В Бога веруешь?

— Верую. Его молитвами и дошел.

— А ну, перекрестись!

И крестились все, кто приходил на Дон и Русские православные с Русскими именами и прозвищами и иных земель люди — Грековы — выходцы из Греции, Татариновы и Татаркины — пришельцы от татар, менявшие магометанскую веру на вольную казачью жизнь, Грузиновы, пришедшие из далекой Грузии, Персияновы из Персии, Черкесовы из черкессов, Сербиновы и Себряковы из сербов, Миллеры из немецкой земли, Калмыковы из калмыцких кочевников, Мещеряковы из мещерских татар, Поляковы и Яновы из Польши — всех обламывала казачья удалая жизнь, все равно становились Донскими казаками и забывали откуда и каким ветром занесло их предков на Тихий Дон в Дикое Поле.

Сильный, многочисленный, неистовый и жестокий враг был кругом. Бывали годы, когда в борьбе один на сто выбивалась сила казачья. Какая нужна была дисциплина, какое подчинение своему атаману-вождю, чтобы устоять в страшной неравной борьбе, какое нужно было товарищество — все за одного и один за всех, чтобы отстоять свое право на жизнь на Дону!

Вся Донская земля, каждый городок казачий от самого верху, от Хопра и Медведицы, до низовьев Дона и Донца до турецкой крепости Азова была густо залита кровью казачьей, каждая пядь земли была завоевана, заслужена большими победами и подвигами — подлинно кровью предков купленная земля, навеки нерушимо казачья земля!

— «Не сохами-то славная землюшка наша распахана,
Распахана наша землюшка лошадиными копытами,
А засеяна славная землюшка казацкими головами»...

И еще поют казаки про свой, про Тихий Дон:

— «Но и горд наш Дон, Тихий Дон, наш батюшка;
Басурманину он не кланялся, у Москвы, как жить, не спрашивал.
А с Туретчиной по потылице шашкой острою век здоровкался,
А из года в год, степь Донская, наша матушка,
За Пречистую Мать Богородицу, да за веру свою православную,
Да за вольный Дон, что волной шумит, в бой звала с супостатами»...

IV.

Военно-дозорные дороги. Казачьи городки — военный стан. Нижние и Верхние Раздоры. Донской атаман Сары-Азман — 1549г. Морские поиски казаков по Азовскому и Черному морям. Походный и Ватажный атаманы. Односумы. Крепость Азов. Морская тактика казаков. Основание Гребенского (Терского), Волгского и Яицкого войск.

Как же и чем жили казаки в те первые годы заселения Дикого Поля, когда число их не превышало несколько тысяч; в те далекие времена первой половины XVI века, когда Москва хотела их истребить за их молодечество?

Жили:

Степью широкой...
Степью необ'ятной...
Там!.. — на воле, на Тихом Дону!..

Скучно станет — на Волгу пойдем,
Бедно станет — и денег найдем,
Волга Матушка приютит,
Всех приласкает и всёх одарит!..

Жили набегами, разбоем, жили войной... Жили — добычей...

Если пришельцы не плыли в Дикое Поле, опускаясь по рекам Дону, Донцу, Хопру и Медведице на челнах — они шли по шляхам — дорогам, положенным, вернее, — протоптанным вдоль этих рек. Дороги эти назывались «военно-дозорными». Главная, протоптанная из Москвы к Крымскому хану, шла по левой, ногайской стороне Донца. Она входила в Дикое Поле, возле речки Деркула, после шла вдоль

течения рек Глубокой и Калитвенец к Сокольим горам. За Сокольими горами, за речкою Быстрою лежал первый казачий городок Раздоры Верхние. Нижние Раздоры, или «первая станица атаманская» находились под Кобяковым городищем.

Казаки ставили свои городки по течению больших рек. Городки эти были окружены тыном и терновыми плетнями, перед которыми были глубокие рвы. За тыном, ближе к городку, были валы с деревянными башнями по углам. Внутри такой крепости стояли большие избы, помещавшие по несколько десятков казаков. Иногда весь казачий городок состоял всего из нескольких таких изб-казарм. Возможно, что название Пяти-избянской станицы произошло от того, что когда то в ее городке стояло только пять изб-казарм. Это были в полном смысле военные станы с военным устройством. Этого требовала суровая жизнь в степи, где казаки были окружены врагами-татарами.

В эту пору, начала XVI века, Дон был пуст. Краковский каноник, оставивший по себе описание Сарматии так пишет о Диком Поле: ...«широко раскинулись степи Алании, покинутые, как Аланами, так и последующими пришельцами. Иногда их пересекают казаки, ищущие по обычаю своему «кого поглотити», ибо живут они грабежами, никому не подвластные и пробегают обширнейшие степи, объединясь в шайки по 10, 20, 60 и более человек...»

В 1538-м году ногайский мирза Келмагмед жалуется Великому Князю Московскому Иоанну Васильевичу (впоследствии царю Ивану Грозному) на притеснения татар от казаков и тот отвечает ему: ...«лихих где нет?.. На Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки; а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят, и те люди, как вам та́ти, так и нам та́ти»...

Однако не просто-то «та́ти» были те казаки, иначе не пришлось бы одинадцать лет спустя, в июне 1549 года Юсуфу, князю Ногайскому жаловаться Царю Московскому Иоанну IV на грабеж, который учинили татарским купцам «казаки севрюки, которые по Дону стоят», а в октябре того же года писал он дополнительно: «холопи твои, некто Сары Азман, на Дону в трех и четырех местах города поделали, да наших людей и послов стерегут, да разбивают...»

В списке Донских атаманов, хранившемся в Донском музее, в Новочеркасске, под 1549-м годом значится первым Донским атаманом С а р ы - А з м а н... Кто он был?.. Возможно, что был он и татарин. «Сары-аз-ман» по татарски — «удалая голова»...

Сары-Азман поставил по Дону Верхние и Нижние Раздоры, Махин Остров на левом берегу Дона, в пяти верстах от нынешней Ольгинской станицы, Монастырский и Смагин городки в юрте нынешней Старочеркасской станицы.

Так «с а м о д у р ь ю» пришедшие в Дикое Поле, «б а л о в н и» казаки завоевывали себе в кровавых боях место под солнцем, устраивались в диком богатом краю и, непризнанные Московскою властью, отрекающеюся от них, и называющею их «татями» — ворами, — делали великое дело расширения русских пределов и их обороны.

«С травы да с воды» не проживешь. Нужна и одежда, нужны люди, чтобы ставить городки и обслуживать их, чтобы ходить за скотом, стеречь в степи табуны, нести всякую домашнюю, черную работу. Казак-воин, подобный западно-европейскому рыцарю — у него глав-

ное — война и набеги. У западно-европейского рыцаря были вассалы — его рабы; — у казака ,ту работу исполняли пленники — «ясыри» и пленницы — «ясырки»...

Наступал день, когда либо нужда заставляла, либо кровь казачья разыгрывалась в жилах молодца казака-атамана и вот, в праздничный день, выходил на площадь городка, на «майдан», статный молодец, скидывал с головы высокую шапку-трухменку из бараньей смушки, кидал ее на землю и кричал зычным голосом:

— Атаманы-молодцы, послушайте!.. На Сине море, аль на Черное поохотиться; на Куму, или на Кубань реку за ясырьми; на Волгу матушку рыбки половить, иль под Астрахань, на низовье за добычью; иль в Сибирь пушных зверей пострелять...

— Эге! — раздавалось в казачьей толпе. — Это кто-же гутарит то?.. О чем речь-то?..

— Иван Богатый кличет чего-й то.

— Иван Богатый?.. Ин быть делу!..

Шапка за шапкой скидывались с лохматых, чубатых голов и бросались на землю. Шире становился круг казаков около первого, бросившего свою шапку, выше поднималась и гора шапок. Несколько сот казаков соглашалось итти в поиск.

— Ну, разбирай, атаманы-молодцы, шапки и айда Богу молиться.

Церквей в городках тогда еще не было, но на площади стояла часовня-голубец; пропоют казаки около нее молитвы, какие знают и идут в станичную избу, обсудить за чаркою вина поход и избрать походного атамана.

— Кому-же и быть походным то, как не ему?.. Ивану Богатому!.. — раздавались голоса.

— Быть так!..

— В час добрый!..

Избрав походного атамана, приступали к выборам «ватажных» атаманов, писаря, разбивались на звенья, казаки подбирали себе «односумов», с кем питаться из одной сумы, кого в бою держаться как опоры.

И с того дня жизнь городка преображалась. Куда девались пьяные гулёбщики казаки, что целыми днями шатались по майдану, играли «в зернь», да затевали драки. Все слушало приказ атамана. Его власть была огромная. Малейшее неповиновение, да что неповиновение, — просто неуважение ему и — «в куль да в воду», или «посадя на землю забить его стрелами» — смертная, лютая, позорная казнь!..

Первые большие набеги казаков были морские. На легких «чайках» однодеревках, спустясь вниз по Дону, в плавнях построят большие парусные «будары», приспособленные и к ходьбе на веслах. Каждая такая будара вмещала 60 — 100 человек казаков и айда в Азовское море и оттуда в Черное. Для большей устойчивости лодок от морской волны и для укрытия от неприятельских стрел борта лодок обшивались камышевыми щитами. На дне ставили бочки с пресною водою, боченки с соленою рыбою, мешки с сухарями и сушеною рыбой.

Без компаса и без морских карт, опознаваясь днем по солнцу, ночью по звездам, без секстана, шли казаки поперек Черного моря, к берегам Анатолии. Доходили до Босфора, грабили окрестности Кон-

стантинополя. Турки укрепили находившийся в устьях Дона — Азов, перегородили реку цепью из тяжелых бревен, скованных железными кольцами.

Ничто!.. Казаки ждали в Донских плавнях, в густых камышах, когда жестокая буря нагонит воду и поднимется над цепьями, когда напором воды порвет и самые цепи и тогда ночью врывались в море.

Завидев турецкие корабли, казаки рассыпались и на веслах уходили против ветра, а к закату солнца приближались к кораблям с запада, чтобы солнце светило туркам в глаза и кидались с топорами и саблями на абордаж. Брали добычу оружием и одеждою.

Не мало казаков гибло в таких отчаянно смелых поисках...

Когда турецкий флот большими силами настигал морской казачий поиск — казачьи лодки на парусах и на веслах неслись к берегам, рассыпавшись цепью, скрывались в камышах, иногда затопляли и самые лодки. Но только повернут от берега турецкие корабли, как казаки вылезут из камышей, вычерпают воду из затопленных лодок и понесутся в погоню...

А когда кончится поиск морской, войдут казаки в родные воды Тихого Дона, идут вверх, обремененные добычей, с лодки на лодку понесется в лад гребле лихая казачья песня:

— «На усть Дона Тихого,
По край моря синего
Построилась башенька,
Башенька высокая.
На этой на башеньке,
На самой на маковке
Стоял часовой казак;
Он стоял, да умаялся;
Не долго не мешкавши,
Бежит спотыкается,
Говорит задыхается:

— «Кормилец наш — батюшка...
Ермак Тимофеевич...
Посмотри-ка, что там на море,
Да на море, на Азовском-то:
Не белым там забелелося,
Не черным там зачернелося,
Зачернелись на синем море
Все турецкие корабли...

Речь возговорит надежда атаман
Ермак Тимофеевич:

— Вы садитесь в легки лодочки,
На носу ставьте по пушечке,
По пушечке по медненькой,
Разбивайте корабли басурманские.
Мы достанем много золота
И турецкого оружия...

Шутка сказать, — а такими набегами по морю на ладьях, через степи на конях, баловни казаки, самодурью ставшие по Дону, с походным атаманом Андреем пошли «поохотиться» на Каспийское (тогда Хвалынское) море. Они дошли до Кавказских берегов, по реке Тереку поднялись в горы, стали по гребням их и положили основание Гребенскому казачьему войску. В 1580-м году царь Иван Васильевич Грозный перевел их на Терек и пожаловал их рекой Тереком с притоками. С той поры стало Терское казачье войско.

В то же примерно время другая партия казаков поселилась в низовьях Волги у самой Астрахани и образовала Волжское войско. В 1584-м году партия Волгских казаков под предводительством атамана Нечая прошла пустынные степи на восток и поселилась на реке Яике, основав Яицкое (Уральское) войско.

А там трубою сереброгласной раздался голос Донского атамана Ермака Тимофеевича:

— Ой вы, Донские казаки охотники,
Вы Донские, Гребенские со Яицкими!..

звал атаман на Волгу и Каму искать новых земель за Каменным поясом за Уральскими горами далекой Сибири...

Нет!.. То не самодурь была воровских людей, как близоруко думала боярская Москва. Это были не баловни казаки, не та́ти, но лучшие, смелые, крепкие русские, ставшие по Дону рыцарским военным братством, воинственным народом, совершившим величавый путь обратно через «Великие Европейские Ворота», путь русской культуры на востоке, в Азию!

Шли казаки на Сибирь!..

V.

Ясыри и ясырки. Начало семейной жизни казаков. «Прирожоные казаки». Низовые и Верховые казаки. Примитивный свадебный обычай. Простота развода.

...«Мы достанем много золота
И турецкого оружия...

Не только золото, нужное для обмена у пришлых с Руси людей на хлеб, на кожу, на вино и дерево брали казаки в добычу, не только добывали себе драгоценные турецкие и кавказские сабельные клинки, луки, саадаки и колчаны со стрелами, а позднее ружья — рушницы и пушки и порох, но забирали и одежду, материи, шелка и бархаты, золотую канитель, самоцветные камни, жемчуга, седельные и конские уборы и сбрую.

Они вели с собою пленников и пленниц — ясырей и ясырок. Пленники были нужны, чтобы устроить по казачьим городкам кузницы, наладить казачье свое производство оружия, чтобы стеречь табуны, тесать лес для лодок и строить избы, укрепления и сторожевые башни, украшать привезенные с Руси иконы самоцветными камнями и жемчугом.

Из Крыма везли красавиц крымских татарок, счастливое сочетание татарской, ногайской крови с кровью романской, итальянской тамошних Генуезских колоний. С Кавказских гор приводили стройных го-

рянок, черкешенок, осетинок, дагестанок и грузинок. С берегов Анатолии гордых малоазийских турчанок-османок.

В домашнем станичном быту казака появились женщины-ясырки. Появились, внесли в суровую жизнь воина-казака женский уют, красоту и восточный, цветистый обычай. Да так они привились, что еще в начале XIX века, т. е. спустя триста лет, в Новочеркасске домашнюю прислугу все продолжали называть «ясырками»...

И вот — стали между суровыми прямыми избами-казармами, несколько поодаль, в стороне, на отшибе, отдельные «курени» семейных казаков. Оплели обширный двор-баз плетнем, а там, гляди, — появился и вишневый садок и цветы — то черноокая стройная ясырка заскучала по родному краю, насадила цветов — роз и олеандров, мальв и вьюнков, как то было у нея дома. Вместо буйволов появились коровы; овцы заблеяли на казачьем базу.

Появились и дети...

Как их назвать?.. Кто они?.. Дети русского казака и чужеземной полонянки... Стали звать их «прирожоными» казаками в отличие от казаков пришлых. Стали величать по батюшке — так начались на Дону казачьи «фамилии».

На низовьях Дона и Донца создался свой особый тип казака — Низового. В него влилась левантийская кровь горцев Кавказа, татар Крыма и турок Анатолии. Стал он черноволос, черноглаз, высок ростом, строен и красив лицом с тонкими чертами, кое где по туземному обычаю стал брить бороду. В язык вошли слова с нерусскими корнями — татарскими и турецкими. В обычай вошел красивый, вежливый рыцарский быт горских народов Кавказа.

Иное случилось на верхах, в среднем течении Дона и Донца, на реках Хопре и Медведице. Тамошний казак-старообрядец брезговал магометанками востока, он искал женщин у себя дома, приводил из мест, откуда и сам пришел, своих «родимцев» и «родимок». От них и народился тип казака Верхового. Широкие, светловолосые, голубоглазые и сероглазые, основательные стали по верхам Дона казаки старообрядцы. Крепче там была семейная жизнь и хотя земля там была много хуже, чем на низах, одолевали пески — там раньше стали пахать землю и сеять хлеб. Стал там — казак «лапотник». — «Сипа» презрительно кинул ему воин, низовой казак. Верховый не остался в долгу, ответил: — «чигá востропузая». Так и разделился Дон на Верх и Низ, разделился, но не раскололся. По прежнему все войско Донское стояло заедино, «единую думушку думало» — о чести и славе своего родного войска Донского... Когда приходило время — собиралось все войско на низ, к Раздорам, или к Монастырскому городку, выбирать всем войсковым Кругом атамана, решать большие вопросы, с кем и где воевать — ибо война была — жизнь и смысл жизни казака.

Когда появились прирожоные казачки, имевшие отцами казаков, простое сожительство с ними стало неудобным. Девушке нужно было оправдать себя перед родителями. Своя «кровинушка» дорога была казаку. Не хотел он видеть девичьего срама, не хотел равнять свою дочь с пленницей — ясыркой.

Церквей и священников по городкам казачьим в ту пору не было. Жизнь была все еще проста и порядочно дика. Вошло в ту пору в обычай, когда подружится казак с казачкой, заведет себе зазнобу,

«любушку», шел он с нею в праздничный день на площадь-майдан, приглашал станичного атамана, стариков и родителей нареченной невесты, брал ее за руку и об'являл всенародно:

— Ты будь мне жена!

— Казачка отвечала:

— А ты мне муж!

— Согласны оба? — спрашивал атаман.

— Ну, чего там еще, — смущенно закрывая лицо, говорила пунцовая от счастья и стыда казачка, — согласны!

— Ну в час добрый...

Еще казачьим новым куренем становилось больше в станичном городке.

Если мужу надоедала семейная жизнь, если вдруг потянет его в большой и опасный долгий поиск, из которого не надеется он вернуться целым невредимым — выводил он жену опять на майдан, становился у часовни-голубца и об'являл казакам:

— Вот, атаманы-молодцы, поглядите, — кому люба, кому надобна?.. Она мне гожа́ была, работяща и домовита. Бери, кому надобна.

Женщин было мало на Дону, и почти всегда такая покинутая жена находила охотника взять ее себе в жены. За деньги, за вещи, а иногда и просто за попойку муж отдавал свою жену, пропивал ее.

Но, если не находилось охотника взять в жены, казак отпускал ее.

— Иди куда хочешь... Никому не надобна.

Приходилось такой жене мыкать горе по чужим людям, поступать в батрачки, в няни, в прислугу к какому нибудь семейному казаку подомовитее.

Так в XVI веке зародилась на Дону семейная жизнь донских казаков, о которой в песне про Ермака так поется:

...«Ермак тремя стами казаками город взял
Город взял он Казань и царю отдал,
Избавил Ермак войско Царское от урона,
За то пожаловал Царь Ермака князем
И наградил его медалью именною,
Да подарил Ермаку славный тихий Дон
Со всеми его речками и проточками.
Как возговорит Ермак Донским казакам:
«Пойдемте, братцы, на тихий Дон, покаемся,
Не женатые, братцы, все поженимся»...

VI.

Казачий быт в XVI веке. Свадьбы. Жена и мать казака. Детские игры и воинское обучение. «Шермицци». Масляничные гулянья. Примерные бои. «Прощеный» день.

Сложнее становилась жизнь казаков по донским станицам. Полнились они уже не только пришлыми людьми, прошедшими тяжелые испытания пути, много перенесшими, крепкими и сильными, но росли по станицам и дети и явилась забота, чтобы выросли они казаками.

Свадебный обряд стал мягче... Уже не на площади среди гуляк казаков совершался он, но в станичной избе, где в красном углу стояли образа и теплились лампады и свечи. Туда и приходили атаман, родители и родичи жениха и невесты. Жених, принаряженный, являлся туда с невестой, тоже одетой в лучшее платье. Они молились перед образами, кланялись в пояс на четыре стороны собравшимся, потом жених кланялся невесте и говорил:

— Ты, скить, Настасья, будь мне жена...*)

Невеста становилась на колени, кланялась жениху в ноги и поднявшись отвечала:

— А ты, скить, Гаврила, будь мне муж...

После этого жених целовался с невестой и все присутствующие их поздравляли.

В случае, если брак был не удачен, муж приводил жену в станичную избу и говорил:

— Вот, скить, честная станица, она мне не жена и я ей не муж.

Почти всегда отказанную кто либо из присутствующих прикрывал полою кафтана и тут же брал ее в жены.

Когда в станицу приезжал священник, все, кто раньше не был обвенчан по церковному, венчался у него и это была гордость казачки завершить брак в станичной избе церковным обрядом.

До конца XVI века охотников жениться среди казаков было немного. Свободнее, вольготнее чувствовал себя казак без жены. Жена — обуза... Говорит, рассказывает о том казачья старая песня:

...«Как со славной, со восточной со сторонушки
Протекала быстрая речушка, славный тихий Дон;
Он прорыл, прокопал, младец, горы крутые,
А по правую по сторонушку — леса темные,
Как да по левую сторонушку — леса темные,
По Дону-то все живут, братцы, Донские казаки, люди вольные,
Люди вольные живут, братцы, Донские казаки,
Донские казаки живут, братцы, все охотнички.
Собирались казаки — други во единый круг,
Они стали меж собою, да все дуван делить.
Как на первый-то пай они клали пятьсот рублей
На другой то пай они клали всею тысячу,
А на третий становили красную девицу.
Доставалась красная девица доброму молодцу.
Как растужится, расплачется добрый молодец: —
— Голова-ль ты моя головушка, несчастливая...
Ко бою ли, ко батальице ты не первая,
На паю-то, на дуване, ты последняя,
Как возговорит красна девица доброму молодцу: —
— «Ах не плачь ты, не тужи, удал, добрый молодец;
Я сотку тебе шелков ковер в пятьсот рублей,
А другой ковер и сотку тебе во всю тысячу,
А третий я сотку ковер, что и сметы нет...»

---

*) «Скить» — старинное — сказать: Ты сказать... Ты, так сказать.

Казачка оправдала себя не только сотканными коврами, созданным ею уютом степного казачьего быта, но, выросшая в казачьем военном стане, сама в нем дисциплинированная и строго одна блюла себя

— Не замай!.. Не лезь, пока не спрашивают... А то знаешь!!

Сильная, сноровистая, годная на всякую работу она стала вровень с казаком. Уйдет казак в морской или степной поиск — казачка останется в его курене, за всем присмотрит, все соблюдет, а, если нападет в ту пору татарин на казачью станицу, возьмет и она рушницу или лук и стрелы и пойдет с оставшимися казаками оборонять и ни в чем не уступит казакам. Своего не отдаст дурно.

Из поколения в поколение она воспитывала своих детей, как казаков, внушила им веру в Бога и любовь к родному краю. Века прошли — не изменилась казачка, не забыла заветов отцовских и материнских. Граф Л. Н. Толстой в безподобной своей повести «Казаки», описывающей жизнь Терских, Гребенских казаков в пору завоевания Кавказа дает прелестный облик Марьянки. В романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» перед нами казачки уже теперешних, жестких и смутных времен, и какая прелесть они все, каждая в своем роде!.. Да разве это не казачки в советском аду выростили настоящих казаков, любящих свое войско, верующих в Бога, неустрашимых и твердых... В тяжком изгнании, в соблазне европейских городов казачка соблюла казака эмигранта, любящего Родину — Тихий Дон, вольную Кубань, бурный Терек, сибирские просторы, равнины Уральских и Оренбургских степей, пустыни и горы Семиречья...

Когда появились в городках первые «прирожоные» дети — что радости было!.. «Нашего полку прибыло!» В Верхне-Курмоярской станице до последнего времени сохранилось предание о второй, после пленниц женщине в станице. Это была некая «Чебачиха»... Первого младенца ее нянчили всею станицей, а на первый зубок у него смотрели все с особенным восторгом и умилением. А, как гордилась им сама Чебачиха!.. Ну, еще-бы! Молодой казак растет! Первый, не пришлый, какой то пришлый будет — Бог его знает, а это уже самый настоящий казак!..

И нужно было воспитать его и обучить казачьей науке. Тогда была эта наука — да и не простая... Меткость глаза, уменье стрелять из лука и из рушницы, уменье ездить и рубиться с татарином. Кажется просто: стрельба на несколько десятков шагов, да промахнуться нельзя. И тактика у казаков была своя. Заманить неприятеля в «вентерь» хитрою лавой, потом сразу обрушиться на него с флангов, закружить и уничтожить его. Теперь эта тактика известная с римских времен применяется в Германской Армии и носит ученое название «Канн» по имени того места, где она впервые была применена римлянами в войне с Карфагенянами. Тогдашние казаки о «Каннах», конечно, никогда не слыхали, а сами своим казачьим умом выработали этот прием и молодежь должна была его знать и понимать.

До пятнадцати лет казачье дитя росло, как Бог укажет. Играли на улице в «айданчики», — бараньи или телячьи кости, поставленные городками, в которые кидали свинчаткой, разбивая городки. Здесь незаметно за игрою — развивалась рука и приобреталась меткость глаза. Зимними вечерами смотрел мальчик казаченок, как в избе под зажженной свечою играли старшие в шахматы — очень была в ходу в ту пору у казаков эта игра, привезенная из турецких и персидских

стран, или слушали дети рассказы старших о набегах и поисках, о турках и татарах и знали казачьи дети, что татарин здесь близко, что каждый час может он прискакать на быстрых конях и напасть на городок.

Летом скакали дети на непоседланных конях в табун, отводили отцовских коней и ночью сидели у костра, стерегли коней от волка и от лихого человека. С пятнадцати лет мальчик становился уже казаком и принимал участие во всех казачьих военных играх — маневрах, в ту пору называвшихся «шермицияи»...

Бывали те игры обычно на масляной неделе, когда морозы станут помягче, дни станут длиннее, а о походах и поисках еще рано думать: — реки покрыты льдом...

К городку к этому времени съезжались на конях казаки из окрестных станиц — каждая станица приезжала со своим знаменем. Начинались военные игры с упражнений в джигитовке и рубке. Стреляли в глиняные бутылки, поставленные в поле из луков и рушниц. Потом происходили любимые в ту пору кулачные бои, где станица шла на станицу стеною, где начинали бой мальчишки, а потом разъигрывались и взрослые, силачи зазывали силачей.и вот пошла стена на стену, поошряемая криками зрителей и началась драка, часто доходившая до смертоубийства. Тут была жестокая сеча, но она приучала казака к безстрашию и в настоящем рукопашном бою.

В четверг на масляной станичные атаманы собирали «сбор» и объявлялся приказ: — «на гуляньи быть без безчинств»...

Станицы разбивались на несколько «ватаг». Каждая ватага выбирала своего ватажного атамана, двух судей и писаря. Ватаги ездили по станице верхом или ходили пешком и возили знамена. При встрече одной ватаги с другой они салютовали, потом разъезжались и кидались одна на другую в примерный бой в дротики.

Тем временем в степи за станицей строилась крепость из снега с Кремлем и на ней водружалось знамя. Одна часть молодежи станичной занимала гарнизон этой крепости — другая должна была атаковать крепость и сорвать с Кремля знамя. Атаковали на конях большею частью без седел. В ряды молодежи порою становились и старые казаки — для примера...

Вся станица собиралась на степи и пестрою толпою располагалась вокруг крепости. Все принарядились, все празднично настроены, все немного под влиянием винных паров. И крепкого меда и пива и полпива и пенного «арьяна» выпили не мало. Защитники и атакующие возбуждены и готовы на смертный бой.

Раздался сигнал, двинулась стройная казачья лава в атаку. Свищут плети, посылая коней, и вот уже скачут через ров, карабкаются по скользкому скату крепостной ограды. В толпе не выдерживают, кричат, поощряют своих, соболезнуют упавшим.

— Ой, батюшки светы родимые, глянь, да что это, никак наш Пашка Кривянсков упал с коня!.. Ить это его конь бежит.

— Расшибся никак.

— Ничего... Вскочил... На ногах стоит... Бежит!.. Доспевает!..

— Он и пеший в раз потрафит...

— Так его!.. Так его!.. Дай ему разá!.. Да покрепче...

— Не по ладному бьет... Штрахвовать надо-ть таких. Это ему не татарин.

— Егорка на пегом у самого знами свалился.

— Тоже ить не пущают... Не отдают свого дурно.

— Котору атаку отбили, а все идут.

— К чему судьи присудят...

— Не взяли крепости...

— Вот те на!.. Не взяли! Как же оно то будет?..

— Ить казачья крепость то оказалась, как ее возьмешь?..

Кончился бой. Идет сговор между старыми казаками «с носа по алтыну» — в кабак водку пить.

Жены недовольны. В открытые окна кабака гремит по всей станице слышная песня казачья. Услышит в той песне казачка голос мужа, накинет платок и спешит выручать мужа из пьяной гульбы. И, если выручит — плати штраф — выставляй честной компании водку на два алтына...

В воскресенье, на масляной — отбой... На станичном майдане в круг поставлены столы и скамьи, навалена закуска — баранина, тарань, осетровые балыки, икра, соленые арбузы, хлебы, чего только нет! Стоят жбаны и сулеи с вином и пивом, с медами и винами заморскими из набегов привезенными. Ватаги собираются к столам со своими атаманами и знаменами... Женщины и дети стоят поодаль: — не место женщине на казачьей беседе...

Собрались, устроились за столами. Станичный атаман встает и снимает шапку. Встают все казаки и обнажают головы. Седые, лысые, черноволосые головы с примасленными волосами блестят на зимнем низком солнце.

Разобрали чары. Примолк круг станичный. Атаман возглашает:

— Про здравие Царя и Великого Князя Московского!

Молча пьют. Хотя и теснит порою Москва и обижает вольных людей, называет их «татями» — не помнят той обиды казаки, знают за кого по степи стоят, где государское дело вершат.

— Про здравие Войскового Атамана!..

— В час добрый!..

Выше поднимает чару атаман.

— Про здравие всего Великого Войска Донского!..

Радостно зашумел круг...

— Про здравие честной станицы!.. Садись, атаманы молодцы...

Ушло за снежную степь зимнее солнце. Близок конец «прощеного» дня. Темнеет на площади. Глуше пьяное бормотание толпы. Негромко и будто печально ударил у станичной часовни колокол: — зовет к покаянию.

Все встают, поворачиваются лицом к востоку, где в синеющей ночной дымке таинственным фонарем загорается вечерняя звезда. Все крестятся и по одному один за другим подходят к атаману, друг к другу, протягивают руки, целуются.

— Прости, атаман, Христа ради, в чем согрешил...

— Бог простит...

— Прости, дед Алпатыч...

— Прости, брат Корней...

Попрощались, притихли. Хмель вылетел из буйных голов. Раздается команда:

— Знамена к относу!..

Хрустят по снегу сапоги. В темноту станичных проулков между заиндевелых плетней казачьих базов уходят знамена.

Так шуткой-игрою, так полным повиновением даже и в самых играх, старые казаки готовили из себя тот рыцарский безстрашный народ, готовый для боя, жаждущий славы казачьей, не страшащийся смерти, глубоко верующий в Бога, знающий свое великое назначение, готовый за себя постоять.

Сегодня — игра... Завтра набег, поиск, далекий поход и новые страны, откуда, может быть, никто не вернется...

VII.

Кто был Ермак? Песни-былины. Купцы Строгоновы на реке Каме. Поход Ермака в Сибирь. Бой с царевичем Маметкулом у урочища Бабаган. Бой 22-го октября 1581-го года у городища Атика мурзы. Взятие города Сибири. Посольство Ивана Кольцо к Царю Иоанну Грозному. Смерть Ермака 6-го августа 1584 г.

Самым ярким представителем Донских гулёбщиков-землепроходцев, со славой, уже не донской и русской, но славой мировой является Ермак Тимофеевич.

Кто был Ермак? Его имя, его подвиги так опутаны легендой, сказкой, былинной песнею, что разобраться в том, откуда родом был Ермак, был ли он на Дону пришельцем, или был «прирожоным» казаком нет возможности. Как семь греческих городов спорили о том, какой из них был родиной Гомера, так не одна русская, — да что русская, но и варяжская окраина приписывали себе честь быть родиной Ермака.

Подобно тому, как это бывает с лицами, далеко выделившимися среди современников, когда их жизнь изображается уже в песнях-былинах, сказках и смутных, далеких воспоминаниях, как например, Киевский князь Владимир, крестивший всю Русь в православную веру воспет в былинах, окруженный богатырями русскими Ильей Муромцем, крестьянским сыном, Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем и весь овеян сказочным вымыслом — так случилось и с Ермаком.

Песня-былина то посылает Ермака в смелый морской поиск в Азовское море, то приписывает ему подвиг взятия с Донскими казаками города Казани, то описывает его грабежи на Волге, причем Ермак оправдывается перед грозным царем Московским и говорит:

— Ой ты гой еси, надежда православный Царь!..
Не вели меня казнить, да вели речь говорить:
Как и я то Ермак, сын Тимофеевич,
Как и я то гулял ведь по синю морю,
Что по синю морю, по Хвалынскому,
Как и я то разбивал ведь бусы корабли,

Как и те корабли все не орлёные,
А теперича, надежда, православный Царь
Приношу тебе буйную головушку
И с буйной головой царство Сибирское!

Где же правда? Исторические изыскания скупо и неопределенно говорят о прошлой жизни Ермака. О Ермаке молодом, времен Казанского похода и поисков по Волге и морю Хвалынскому ничего у летописцев не говорится. Самое имя «Ермак» подвергнуто оспариванию. Такого православного имени нет. В песнях Ермака иногда называют Ермолаем Тимофеевичем, но был он действительно Ермолаем, по прозвищу Ермак, или нет, кто скажет точно? В историю он вошел во всяком случае с именем Ермака.

Донские казаки того времени, второй половины XVI века, не имели летописцев, и не дошло до нас никаких писаний. О Ермаке мы узнаем из русских источников, из записей, сохранившихся в делах купцов Строгоновых, из Московских «списков» и показаний летописцев.

Вскоре после завоевания Казани (в 1552 году) — царь Иоанн IV Васильевич продвинул Московские владения вверх по реке Каме в Пермскую землю. Обремененному заботами на севере, где теснили шведы и на западе, где были войны с ливонцами и поляками царю было не под силу управиться самостоятельно с новоприобретенными землями. Нашлись предпримчивые люди, казачьего склада, купцы Строгоновы. Они получили от Царя большие земляные угодья в Уральских горах, право строить крепости, иметь свои наемные войска для защиты их горных и иных промыслов.

Основатели Строгоновского городка Яков и Григорий Строгоновы умерли, не решившись перешагнуть через каменный пояс — Уральские горы. Наследники их — меньшой брат Семен и сыновья Максим Яковлевич и Никита Григорьевич встретились с Ермаком.

Какая была между ними беседа, где и как она произошла — можно только догадываться. Купцы Строгоновы поняли и оценили смелого гулёбщика-завоевателя с орлиным полетом мысли, восхитились его предложением завоевать Сибирь и обещали ему поддержку казной, продовольствием, оружием, порохом и войском.

Глухою осенью 1579-го года Ермак с ватажными атаманами Иваном Кольцо, Яковом Михайловым, Никитой Паном и Матвеем Мещеряком и с пятьюстами казачьей вольницы поднялся на лодках по реке Каме и пригрянул к Строгоновым.

Полтора года готовились к походу. Строгоновы усилили Ермакову дружину тремя стами своих наемных воинов: — русских, немцев, татар и литовцев, дали проводников и переводчиков. Весною 1581-го года отряд Ермака — 840 человек — по современному — один батальон — пошел на ладьях вверх по реке Чусовой до устья реки Серебряной и дальше по реке Серебряной до Сибирской дороги. Здесь Ермак заложил крепость «Кокуй-город», поставил в ней гарнизон, сложил запасы, словом, — заложил то, что в науке стратегии называется «базой», эту базу он связал с главной — Строгоновским поселением.

Отсюда по реке Туре казаки пошли в Азию. В одном из татарских улусов казаки захватили в плен татарского князя Мирзу Таузака. Ермак обласкал пленника, распросил его о Сибирском царстве, которым в ту пору правил царь Кучум и отпустил Таузака на волю.

Таузак отправился к Кучуму с известием, что идут на Сибирь никогда раньше невиданные «белолицые» люди, имеющие страшное оружие, бьющее огнем, громом и дымом...

Кучум направил против маленькой дружины Ермака многочисленную конницу под начальством царевича Маметкула.

Ермак, шедший на ладьях по реке Тоболу получил от своих раз'ездов донесение, что у урочища Бабаган собраны несметные силы татарской конницы.

Ермак высадил казаков из лодок и приготовился к пешему бою.

Густым строем, дикой ордой, с неистовыми криками, махая над головами саблями кинулись татары на казаков. Те подпустили их на сто шагов и встретили дружным огнем из пищалей и аркебузов. Не видевшие никогда огневого боя, полудикие татарские лошади остановились, закинулись, повернули и помчались назад. Пули и стрелы поражали их. Произошло смятение. Маметкул остановил свои полки, снова устроил их и повел в атаку. Атака была опять отбита ружейным огнем с огромным для татар уроном. Три раза Маметкул повторял бешеные атаки, но ни разу не смог врубиться в казачий строй. Он отступил. Ермак возвратился на лодки и продолжал итти по Тоболу.

На пятьдесят второй день похода, 22-го октября 1581-го года, под вечер, казачьи струги, шедшие по реке Иртышу подошли к городищу Атика мурзы.

Перед ними, в сумерках осеннего дня, показались огни костров. Это был стан Сибирского Царя Кучума, засевшего с царевичем Маметкулом в крепкой засеке. Гомон тысяч голосов, ржание коней доносилось по реке за несколько верст. Татарский стан гомонил и шумел, точно то было бурное море. Так ничтожна казалась перед ним пятисотенная казачья дружина Ермака.

Но она была казачья!..

На рассвете, 23-го октября, казаки бросились на штурм татарского стана.

Вот, когда вспомнили казаки свои масляничные военные игры и потехи — «шермиции» и кулачные бои. Казаки подошли на расстояние ружейного выстрела и стали обстреливать засевших за засеками татар. Тучи стрел полетели в казаков. Перестрелка продолжалась до полудня. Татары увидели малочисленность отряда Ермака. Они сами проломили засеки и пошли на казаков для рукопашного боя. Казаки мужественно встретили их — началась свалка, где каждому казаку приходилось рубиться против десятка татар. Жестокий бой продолжался несколько часов. Летописец написал о нем: — «и бысть сеча зла; за руки емлюще сечахуся...» То есть хватали друг друга за руки и рубились саблями.

Царевич Маметкул был ранен. Начали татары покидать поле сражения.

В сумерках осеннего дня казаки заняли татарские засеки. Союзники Кучума, остяцкие князья, покинули поле сражения. Раненый Маметкул ушел с конницей. Кучум ночью скрылся в свою столицу Сибирь, собрал пожитки и жен и бежал в степи.

Ермак победил. Не дешево досталась ему победа. 107 казаков было убито. Более половины дружины было ранено.

Сделав на татарском становище дневку, похоронив с честью убитых, перевязав и устроив раненых, Ермак пошел за Кучумом и 26-го октября 1581-го года занял покинутую Кучумом Сибирь. Там нашел Ермак большую добычу и устроился в Сибири на зимовку.

В эту зиму проявил Ермак большую государственную мудрость. Далеко по татарским становищам и улусам послал он казачьи раз'езды. Он внушил казакам, чтобы они ласковым и внимательным отношением к жителям и кочевникам привлекали их сердца к себе и приводили татар к присяге Московскому царю.

В Сибири Ермак готовил посольство к Строгоновым и к Царю Ивану Васильевичу. Собиралась «летучая станица» с дарами Сибири. Станичным атаманом этой станицы был назначен Ермаком его лучший дружинник — И в а н К о л ь ц о. Ему было наказано, прибыв в Москву «бить челом царю царством Сибирским».

Посольство Ермака было радостно принято в Москве. Прошлые разбои казаков на Волге были прощены; казаки были пожалованы деньгами и сукнами на одежду. Атаману Кольцо было разрешено набирать в Московской земле «охочих людей» для заселения Сибири. Ермаку и его станичникам была пожалована особая грамота, где Ермак был назван к н я з е м С и б и р с к и м. Ему было поручено устраивать Сибирскую землю. Царь подарил Ермаку драгоценный стальной панцырь, украшенный золотым Московским орлом... Для принятия от Ермака Сибирских городов был послан из Москвы воевода князь Семен Болховский и голова Иван Глухов с отрядами стрельцов.

Ермак провел в Сибири без малого три года, довершая начатое дело завоевания огромного края. В неравных, частых боях и стычках таяла Ермаковская дружина. Туго и медленно приходили из Москвы обещанные подкрепления. Много казаков погибло от болезней, главным образом, от цынги.

Татары стали чувствовать свою силу.

Ермак, не смущаясь потерями, продолжал налаживать устройство Сибирского края. Он завязал торговые сношения с Китаем и Бухарой. Сибирь богатела торговлей. Силы-же казачьи расходились по постам и гарнизонам в маленьких городках.

Скитавшийся в поверховьях Иртыша, в Алтайских горах старый Кучум собрал войско и стал с ним на Иртыше, не пропуская бухарских купцов в Сибирь.

Ермак с пятьюдесятью казаками пошел искать Кучума. Он поднялся на челнах по Иртышу. Кучум, узнав о приближении Ермака, скрылся в горах. Несколько дней казаки искали его, но не нашли в оставленных Кучумом заставах. Усталая, измученная, голодная дружина Ермака вернулась к лодкам 5-го августа 1584-го года и заночевала на берегу в лесу.

Ночь на 6-ое августа была темная и бурная. Ветер шумел вершинами деревьев, нагоняя сон на усталых казаков. Бдительность постов притупилась — казаки уснули.

Кучум, следивший за казаками с противоположного берега переправился ночью через Иртыш и врасплох напал на спящих казаков. Безшумно подползли татары к стану казачьему и перерезали всех сонными. Проснулись только Ермак и один донец. Они отчаянно оборонялись. Когда Ермак увидел, что он остался один — он кинулся

в реку, надеясь доплыть до лодок. Тяжелый панцырь, надетый на нем, тянул его ко дну. Князь Сибирский утонул в Иртыше, не доплыв до стругов.

Сказкой веет от подвигов Ермака. Его образ исполнен казачьего благородства. Его мужество и его государственный ум поражают нас. О нем сложились песни. Стихотворцы посвятили ему не мало звучных стихов. В Сибири, в Тобольске и в Новочеркасске, на Дону, ему поставлены памятники. В дореволюционное время имя Ермака Тимофеевича носили 3-й Донской и 1-й Сибирский казачьи полки. На Дону имеется Ермаковская станица и Ермаковы хутора. Не один казак носит фамилию Ермакова. Сподвижники Ермака положили основание Сибирскому казачьему войску.

До последних лет в Сибирской глуши, сохранились большие церкви совсем особенной стройки из кедровых бревен и досок. Церкви эти по преданию поставлены казаками Ермака.

Ермаком Тимофеевичем начинается длинная череда казаков, своими подвигами, умом, волею, честью, прославивших имя донского казака.

VIII.

Сношения Дона с Москвой. Легковые и зимовые станицы. Царское жалованье казакам за помощь Москве. Равенство казаков на Дону. Первая Царская грамота Дону. Отказ Донцов исполнить пожелания Царя Феодора Иоанновича.

Скоро поняли Московские власти, какую выгоду могут они иметь от прочно ставших по Дону и его притокам казаков. На южной степной окраине Московского Царства, еще так недавно опасной от татарских набегов стало русское, никому не подчиненное, вольное войско, не пускавшее татар к Рязанским рубежам.

Когда татарские князья, крымцы или турки жаловались Москве на казачьи набеги, на разорение приморских городов и селений, на непроездность степных дорог из за казачьих застав — Москва отрекалась от казаков. — «Лихих где нет?» — писала Москва. — «Они вам тати, как и нам тати...» Но, когда нужно было провожать через Донские степи караваны Московских купцов, Московских послов в Азов или в Крым — Москва поручала их охрану казакам. Так постепенно на казаков была возложена охранная, сторожевая и разведывательная служба на южной окраине Московского Государства. Донские казаки должны были следить за тем, что делается в татарских и турецких землях и отписывать о том Московскому Царю.

После завоевания Московским царем Казани (1552 год) и Астрахани (1554 — 1556 годы) сношения с Доном становятся теснее. С Дона в Москву посылается «Легковая станица» для сговора с Московским Царством. Она принимается в Посольском приказе, то есть в том, что теперь называется министерством иностранных дел. Этим Москва показала, что она рассматривает Донское войско, как *самостоятельное, иноземное государство.*

Москва сговаривается с легковой станицей о той помощи, какую Донское войско будет оказывать Москве в деле охраны, разведки и конвойной службы и какое за это ежегодно жалованье хлебом, се-

литрою (для пороха), сукнами, холстами, камкой, золотом и пр. будет войско получать от Москвы. Для более тесных сношений, для получения этого жалованья и отвоза его в Войско, должна была ежегодно осенью перед осенним ледоставом приходить с Дона особая «станица», которая зимовала в Москве и весною, получив «жалованье» спускалась по Дону обратно в войско. Посольство это получило наименование зимовой станицы. Она состояла из 93 казаков при атамане, есауле и писаре.

В ту пору в Москве все люди делились на сословия. И сословия эти были неравны между собою. Были знатные, родовитые и богатые бояре, были поместные люди, владевшие крепостными людьми, была торговая сотня — купцы, были изгои — люди без определенных занятий — сыновья священников не научившихся грамоте и потому отставших от духовного сословия, холопы, выкупившиеся из холопства, наконец смерды и крепостные рабы.

Не только между сословиями не было равенства, но и в самих сословиях соблюдалось местничество. Боярин более старого рода, более отличенный царем становился выше других бояр. Это так вошло в обычай Московских людей, что те не могли представить себе иного порядка вещей.

В 1592-м году русский посол в Константинополе Григорий Нащокин, ехавший через Донское войско, привез казакам от Царя подарки и сказал, чтобы казаки, разверстав, роздали лучшим добрые, рядовым средние и иным «рославские» сукна. Казаки ответили: — «У нас больших никого нет, все равны, разделят они сукна на все войско, кому что достанется».

Несколько лет спустя Москва предложила казакам послать в Москву посольство (зимовую станицу) «лучших людей». С Дона ответили: «лучших у нас нет; все казаки между собою равны; лучшие кого они, выбрав войском, пошлют...»

Крепко держались казаки равенства, установившегося между казаками с древних времен.

В 1585-м году скончался Московский царь Иоанн IV Васильевич. На престол Московский вступил его сын Феодор Иоаннович. В томже 1585-м году, 31-го августа, от Царя Феодора Иоанновича была послана грамота войску Донскому. Это была первая грамота войску. Она начиналась словами:

...«От Царя и Великого Князя Феодора Иоанновича всея Руси, на Дон, Донским Атаманам и Казакам, старым и новым, которые ныне на Дону и которые зимуют близко Азова»...

Казакам об'являлось, что от Москвы к Азовскому паше послан для переговоров Борис Петрович Благово, казаки должны помочь ему доехать до Азова. Далее говорилось, что Царь желает, чтобы казаки с азовскими людьми «жили смирно и задору никоторого азовским людям не чинили». Казаки должны были позволить Азовским людям ловить рыбу по Дону, рубить в придонских рощах дрова и становиться на Дону. Казакам-же запрещалось ходить против Крымцев и требовалось, чтобы казаки жили с Крымским ханом в мире. За то посылал Московский царь казакам жалованье: — селитру для пороха и свинец. И на будущее время было обещано жалованье, казаки же должны были составить поименные списки, кто и где атаман и сколько с ним казаков и список этот отдать тому-же Благово, когда тот поедет обратно в Москву.

Так была сделана первая попытка Москвы наложить руку на вольную казачью общину и сделать из Донского Государства свою область.

Но не настало для этого время. Москва была слаба для того, чтобы силою заставить казаков исполнять ее повеления, казаки-же к этому времени представляли из себя прочное и серьезно управляемое самостоятельное государство. Они знали, что жить с азовцами в мире они не могут, потому — что это не казаки нападали на азовцев, но азовцы нападали на казаков и верные своей тактике обороняться, нападая, казаки должны были вести почти непрерывную войну с турками. Так-же не могли и не желали казаки пускать азовцев в свои рыбные донские угодья и селиться по Дону.

Царская грамота осталась без последствий. В Москве же скоро наступили такие события, что уже приказывать казакам она не могла, но должна была искать казачьей помощи и спасения от врагов.

IX.

Государственное устройство Донского Войска в конце XVI и начале XVII веков. Войсковой Круг. Кто имел право быть участником Круга. Порядок на Кругу. Войскозой атаман и Правительство. Власть Круга. Дон, как военное самостоятельное государство.

Равные между собою казаки считали лучшими тех, кого выберут войском.

К началу XVII века Войско Донское было настолько многочисленным, что нужно было выработать правила о том, кто-же может избирать и законодательствовать в Войске? Те времена, когда все войско едва насчитывало пять тысяч человек прошли. Тогда действительно *все* казаки войска с'езжались в Круг, чтобы избирать из своей среды атамана и вершить свои дела войсковые всем войском. Теперь в войске было много разного народа. Были казаки и были люди случайные, приезжие из России, были пленные — ясыри. Были женщины, чего раньше не было, были и прирожоные казаки разного возраста и нужно было определить права всех этих людей.

Казачьи дети, мальчики с 16 с половиной лет и до 18 назывались *выростками*. 18 лет они становились *малолетками* и только после 19 лет мальчик казак мог заслужить название *служилого казака*.

Выростки и малолетки могли присутствовать на Круге, но без права голоса.

Озимейные казаки — те, кто «сбежал» или «прибрел» на Дон и жил, хотя и год, и два или три года и даже участвовал в походах, или иных станичных делах, но приговором станицы не был зачислен в Войско, не мог быть участником Круга. Осторожно допускали казаки людей в свою среду. Долго, годами, испытывали новых людей. Это уже не было, как сто лет перед тем, когда только спрашивали «в Бога веруешь?» и довольно — становись с нами в нашу станицу.

Бурлаки и даже *зажилые бурлаки* — так назывались «новоприходцы», убежавшие на Дон и бродившие по Дону, укрываясь от преследования Московской власти, или в поисках работы, не могли

быть участниками Круга. Казаки не хотели принимать тех, кто шел для того, чтобы спасать свою жизнь. Это были не рыцари-казаки.

Не могли, естественно, быть на Кругу чужеземцы — люди, приходившие на Дон на весеннее и летнее время, чтобы «покормиться» работою в казачьих городках, живя в куренях у более состоятельных казаков.

Ясыри не могли быть участниками на Кругу, но могли «бить челом» Кругу и просить помощи и защиты у Войска.

Не могли, естественно, быть на Кругу чужеземцы — московские люди, торговые люди, приежавшие к казакам за рыбой, или для сбора для церкви, «вожи» (провожатые), «казачьи (не Донские) головы», стрельцы, сопровождавшие царских послов.

Азиаты — турки, татары и калмыки, как те, с кем почти непрерывно воевали казаки, не допускались на Круг, как враги Донского государства.

Духовенство не допускалось на Круг. Церковь Божия не от мира сего. Это отлично понимали казаки и считали, что дела мирские не касаются служителей Бога.

Пенные казаки, то есть казаки, за какие-нибудь проступки лишенные казачьих прав, не допускались на Круг.

Не допускались на Круг и женщины. Не женское дело решать казачьи дела.

Созыв Круга совершался тайно от татар и турок. Если таковые были ко времени созыва Круга в Черкасском городке — их удаляли с острова.

На время Круга была запрещена продажа водки. И если кто «к обещанию (присяге) придет пьян и такому человеку и продавцу вина учинено будет жестокое наказание».

Войсковой Круг собирался на главной площади — майдане — Черкасского городка у часовни. «Сбивали» Круг «войсковые есаулы». Они следили за порядком на Круге, наказывали тех, кто был признан Кругом виновными, исполняли приказания атамана и приводили на Круг тех лиц, кого Войско желало видеть и выслушать.

Участники Круга становились на площади «кругом», оставляя в середине место для атамана. Когда Круг был «сбит», — то есть собран, из станичной избы выходил атаман с насекою в руке, за ним шли избранные Кругом старшины и несли за ним Войсковые знамена. Как только атаман покажется на площади, есаулы кричали «есаульскими» голосами:

— Помолчите-те ста (пожалуйста), атаманы молодцы.

Круг стихал. Атаман входил на середину и становился под знаменем. Он снимал шапку и сейчас-же все казаки обнажали головы, показывая этим уважение к месту и к случаю.

Обычным обращением атамана к кругу было:

— Атаманы молодцы и все великое Войско!

Дальше коротко ставился вопрос, подлежащий решению Круга и предложение атамана, как он решил это дело, и спрашивал атаман:

— Любо-ль? Не любо?

Обычно Круг отвечал коротко:

— Любо!

— Не любо!

Или: — если это касалось приговора о каком нибудь преступнике:

— В куль да в воду!

Если о каком нибудь новом деле то отвечали:

— Бог в помочь!

— С Богом!

Если не было единогласного ответа, но слышалась разноголосица, есаулы спрашивали, обращаясь в разные стороны:

— Все ли так соизволяют?

Каждый из участников Круга мог говорить на Кругу и высказывать свое мнение. Для этого он должен был выйти в середину майдана и стать против атамана.

Круг избирал все управление войском: — Войскового атамана, Войсковых есаулов, Войскового дьяка (писаря), Войскового толмача и подтолмача (переводчиков) для сношений с турками, татарами и калмыками, атаманов, есаулов и казаков зимовых и легких станиц, выборных посыльщиков к соседним казачьим войскам — Запорожскому, Волжскому, Терскому и Яицкому; Войсковых старшин и казаков, посылавшихся по донским городкам для разбора на месте различных дел местного значения; походных атаманов и полковников при отправлении всего-ли войска или только части его в поход. Если в поход уходил и сам Войсковой атаман то на время его отсутствия из Войска Круг выбирал ему заместителя наказного атамана.

Первое время атамана избирали без срока, «пока угоден Кругу». Неугодный атаман мог быть «отставлен» и даже «скинут». Так в 1675-м году Круг не желал согласиться с атаманом на постройку крепости на реке Миусе, отговаривался малолюдством казаков и тянул дело, не давая ответа. Атаман Корнилий Яковлев потребовал от Круга решительного ответа. Казаки, не дав ответа, стали расходиться. Яковлев стал укорять Круг и трех возразивших ему казаков ударил палкой. Казаки бросились на атамана, избили его и выбрали атаманом Михаила Самарянина.

Впоследствии вошло в обычай избирать атамана на один год.

С выбором атамана не было недоразумений. Ко времени созыва Круга атаман был уже намечен. В войске люди были на виду. Казаки знали друг друга и намечали того, кто отличился храбростью и распорядительностью в походах или умелым ведением войсковых дел. Их и избирали, почти всегда единогласно.

Огромна была власть Круга и избранного им атамана.

Круг посылал послов, то есть, выражаясь современным языком, «вступал в дипломатические сношения с другими государствами».

В 1616-ом году посылали с Дона атаманы и казаки на Днепр к Черкасам (Запорожским казакам) дружину Трубникова и Ивана Слепова договориться о том, чтобы «черкасы на них не приходили, а были с ними в миру».

В 1661-ом году к калмыкам были посланы старшины Будан и Степан Разин.

Круг принимал послов. В Царском наказе послу Егорью, посланному на Дон в 1662-ом году было написано: «как атаманы и казаки в Круг соберутся, послу при всех говорить:

— «Атаманы и казаки, Фрол Минаев и все Войско Донское! Великий Государь Царь»... далее следовал полный титул Московского Царя с перечислением всех подвластных ему царств и земель, — «велел вас, атаманов и казаков и все Войско Донское, спросить о здоровьи»...

Потом посол «изговоря речь» должен был подать атаману грамоту.

«Да как атаманы и казаки Великого Государя грамоту у него, Егорья (посла), примут, в Кругу вычтут и выслушают и Егорью говорить: — «Атаманы и казаки, Фрол Минаев и все Войско Донское, Великий Государь, Царь и пр. велел Вам говорить...» и далее шло то, о чем желал договориться с Войском Московский Царь.

Войсковой Круг карал казаков, поступавших самовольно.

В 1623-ом году 600 казаков без спроса атамана и Круга на Дону в устье реки Чира, построили город и отписали в Москву, что «с Донскими де казаками с нижними городки они не с'езжаются и ни в чем донских казаков не слушают»...

Это была полная измена Войску. По повелению Круга городок был сметен с лица земли. Атаман Епифан Родилов послал приказ атаманам верхних станиц и городков и потребовал, чтобы все те казаки, которые самовольничали на Чиру и «ныне воруют на Волге» и те, которые их у себя укрывали, явились на суд Войска, на Яру, на урочище Монастырском. Там этих казаков и тех, кто их ссужал зельем (порохом) и свинцом и помогал им и атаманов их «били на Кругу ослпьем и грабили»...

В 1659-1660 году казаки самовольно поставили городок в «пустом юрте» между Паншинским и Иловлинским городками и назвали тот городок — Рыгиным. Круг послал на Рыгин своих «низовых казаков многих людей конных и пеших с пушками и те посыльщики тот городок взяли за большим боем и подкопами... Городок воровской сожгли и старшин их воровских заводчиков сожгли; атамана и есаула с товарищами 10 человек привезли для вершения (то есть на суд Войска) живых и, расспрося, тех воров повесили...»

Круг расправлялся так сурово не только со своими казаками и пришлыми случайными людьми, но он не стеснялся с расправой и над иноземными послами, не оказавшими должного уважения войску, или нарушивших законы и обычаи войсковые. История знает несколько примеров таких расправ с Московскими, Черкасскими и Турецкими послами.

В 1648-ом году майор Андрей Лазарев привел из Московского государства на помощь Войску, по Царскому повелению, отряд из 4-х капитанов, 5 поручиков и 1000 наемных солдат. Лазарев потребовал, чтобы казаки пришли к нему на «стан». По войсковому обычаю он должен был сам явиться на Круг и на Кругу об'явить Царскую грамоту... «Казаки учинились непослушными», — пишет в Москву майор Лазарев, — «против царского повеления, ко мне в шатер милостивых

слов слушать не пошли и казны тут у меня не приняли»... Несколько крепостных слуг Лазарева перебежало к казакам. Лазарев послал в станицу искать тех людей офицера иностранца и с ним команду солдат. Это было полное нарушение казачьих обычаев. Казаки схватили того офицера и команду его и как доносит Царю Лазарев — «им, иноземцам, были за то в Круге позорные лаи (по-просту — их обругали). А меня, холопа твоего, сверх разорения моего, хотели убить в Кругу до смерти без вины моей...»

Войско Донское в ту пору ревниво оберегало свои права и законы и сурово расправлялось с нарушителями этих законов. Оно держало строжайшую дисциплину и повиновение всех Атаману и Кругу и именно за это-то в те времена Войско Донское пользовалось огромным уважением у московских властей. Да и помнил Царь, кому он был обязан престолом своим. В Москве знали, что Войско «ворам» повадки не даст.

В 1625-ом году Царь Михаил Феодорович писал «крепкий заказ» о том, что, если «кто куда пойдет без ведома войскового и тех кажнивали смертью». Тот же Царь просил Войско, чтобы «ходившим (для разбоя) на Волгу и Яик казакам и впредь чинить наказание по своему суду, как у вас, на Дону повелось...»

Так уважало Московское правительство Войсковые порядки и законы.

Как усовершенствовалось, как далеко шагнуло Донское Войско за какие нибудь сто лет! Сто лет тому назад — баловни казаки, «тати» — теперь Правовое Государство сурово военного закала, дисциплинированный военный стан, с судом строгим и беспристрастным. Государство, права на существование которого признает сама державная Москва!

Сто лет тому назад казаки свободно «бродили» по Дикому Полю по «ничьей земле» — теперь рубежи Войска были обозначены и земля та называлась «землею казачьего присуда», а Московское царство, запорожцы, турки, татары и калмыки называли ту землю — «землею Донских казаков»... Закрепили за собою кровью политую землю казаки...

Чтобы жить на земле «казачьего присуда» нужно было получить от станицы или от Круга «жилую грамоту», чтобы проехать через землю Донских казаков нужно было иметь «проезжую грамоту». Круг выдавал казакам, желавшим устроить новый станичный юрт и поставить на нем станицы и хутора «заимную грамоту». Круг утверждал представления станичных сборов о зачислении в донские казаки «озимейных казаков» и «зажилых бурлаков». Круг разрешал казакам выезд заграницу к «родимцам», на богомолье, для торговли с товарами и пр.

Старел казак, обессиливая от ран и болезней, нуждался в покое и, если не было у него семьи, которая приютила бы его, Войско шло ему на помощь. Такие казаки отправлялись в монастыри, служившие в ту пору лучшим убежищем для престарелых и больных.

И можно только удивляться, как во времена, когда большие и сильные государства брели в рабстве и насилиях, на юге России процветало свободное государство, устроившее своих членов так, как только много позже стали устраивать другие государства...

Не зря с ранних времен своего существования казаки говорили: «все нашему житью завидуют...», «Зипуны у нас сермяжные, да умы бархатные...»

X.

Управление станицей в XVII веке. Атаманская насека и булава. Круг (станичный сбор). Выборы атамана и «подписных стариков». Решение станичных дел на Кругу. Станичный суд.

Как-же управлялась в эту пору казачья станица?

Всеми делами ведал в ней и творил суд и расправу станичный атаман, выборные старики и станичный Круг. Атаман избирался на один год.

Круг собирался на площади, майдане; зимою, в крепкий мороз, в станичной избе. В каждой станице был свой день для сбора круга и выбора атамана. Так — в Верхне-Курмоярской станице выборы бывали 6-го января, в Богоявление, в станице Есауловской в четверг на маслянице и т. д.

Если в станице был священник, то служили у станичной часовни утреню, после чего станица скликалась на майдан, или в станичную избу. Приходил туда и станичный атаман с насекою.

Насека изготовлялась следующим образом: выбирали прямой терновый ствол и, не срезая его с корня, делали на нем частые насечки. За время роста терна насечки заплывались кожицей и образовывали возвышения. Получалась пестрая прямая трость. Когда она выростала до двух аршин, ее срезали и украшали на верху серебряной шапкой — булавой. Отсюда и произошли названия: «насека» и «булава». Так и поговорка сложилась на Дону: «не атаман при булаве, а булава при атамане».

Атаман долго и истово молился перед иконами в станичной избе. Перед образами теплились лампады. Казаки ставили зажженные восковые свечи: тихо было в избе. Слышны были тяжелые вздохи молитв.

Атаман оборачивался к казакам и говорил:

— Простите, атаманы молодцы, в чем кому согрешил...

Гулом пронеслось по избе:

— Благодарим, Зиновий Михайлович, что потрудился.

Атаман клал шапку на стол, поверх шапки клал насеку. Это означало, что он отбыл свой срок и нужно выбрать нового атамана. Для этого должен был быть раньше еще выбран почетный старик, который и передаст новому атаману насеку, от лица всей станицы.

— Есаул, — говорил атаман, — доложи!

Станичный есаул выходил перед стоящих кругом казаков и говорил:

— Кому, честная станица, прикажете насеку взять?

На кругу поднимался шум. Каждый кричал своего избранника. Старый атаман и есаул прислушивались, на ком остановятся. Наконец, как будто одно имя стало чаще повторяться.

— Сохрону Самойловичу... Сохрону Самойловичу, — соглашались казаки.

Софрон Самойлович, наиболее уважаемый в станице старик, брал насеку и становился на место атамана. Разгладив седую бороду, в сознании важности и ответственности происходящего, он медленно и не громко говорил:

— Есаул доложи!

Есаул обращался к станице:

— Вот, честная станица Курмоярская! Старый атаман свой год отходил, а вам без атамана быть нельзя. Так, на кого, честная станица, покажете?

Снова поднимался невообразимый шум.

— Макея!.. Макея!.. Макея Яковлевича!.. — кричали одни.

Их перебивали другие:

— Якова!.. Якова Матвеевича!

Хорошее ухо нужно было иметь есаулу, чтобы в разнобое голосов уловить, чье имя повторяется чаще, за кем становится большинство.

Кто-то возмущенно кричал:

— З-зач-чем Якова Матвеевича? Григория Петровича надо-ть просить.

И опять, и уже дружно кричали:

— Якова!.. Якова Матвеевича!..

Есаул докладывал старику:

— Сохрон Самойлович! на Якова Матвеевича указывают, — и кричал казакам: Помолчите-ста, честная станица!

Софрон Самойлович троекратно спрашивал примолкший Круг:

— Так на Якове Матвеевиче порешили?

— На Якове Матвеевиче, — раздаются одинокие голоса.

Остальные молчат, подтверждая выборы.

Из среды казаков выдвигается Яков Матвеевич.

— Ослобонить-бы надо, — говорит он хмуро.

Он смущен и доволен оказанным ему вниманием, но и озабочен. Не сладкая, хотя и почетная служба ходить атаманом. Суеты, хлопот и неприятностей — не оберешься. Он знает, что «атаману — первая чарка, — атаману и первая палка...»

— Может и то, честная станица, ослобоните... За старостью... за ранениями...

Станица молчит. Кое кто посмеивается — дескать: «попался».

— Потрудись, Яков Матвеевич, на тебя станица указала, — раздается одинокий голос.

Софрон Самойлович вручает Якову Матвеевичу насеку, тот, перекрестившись, принимает ее. Старики окружают новоизбранного атамана и в знак поздравления накрывают его своими шапками. Новоизбранный садится и говорит:

— Спасибо, честная станица, на выборе... на почете... Так приступим к выборам «подписных стариков».

«Подписных стариков» выбирают десять человек, тоже наиболее уважаемых и ревностных казаков. На их обязанности: в случае нападения на станицу скакать в степь, скликая казаков: «в станицу... в осаду»; мирить ссорящихся; по общим делам брать штрафы на выпивку; вести очередь нарядов в караулы, для провода служилых людей; в посыльные в Главное Войско, в Раздоры или в Монастырский городок, об'являть Кругу о преступлениях, совершенных казаками и ожидать от Круга приговора.

Атаман избран; казаки расходятся в кабак пить могарыч.

В станицу с'ехались казаки из степных хуторов. Нужно воспользоваться этим, чтобы решить накопившиеся в станице дела.

На утро идет «заклички».

По улицам и проулкам между казачьих куреней ходит есаул и резким протяжным станичным есаульским голосом кричит:

— Атаманы молодцы, вся честная станица Курмоярская! Сходитеся на беседу, ради для станичного дела! А кто не придет, на том станичный приговор — осьмуха!

Когда казаки соберутся — приходит атаман с есаулом и «подписные старики».

В станичной избе шумно. Старые односумы собрались в кучки, гутарят о том, о сем, невнимательно слушают, что докладывают Кругу атаман и «подписные старики». Все идут неважные, мелкие дела.

Уже не раз и не два кричит есаул станичным голосом:

— Атаманы молодцы, вся честная станица Курмоярская! Помолчите!

Он бьет тростью о пол и снова кричит:

— Помолчите-ста, атаманы молодцы, помолчите-ста!

Говор и шум переходит в шопот. Поднимается со своего места атаман:

— Помолчите, атаманы молодцы!

Наступает тишина и атаман докладывает:

— Вот, честная станица, Аксен Пахомович просит дать клин степовой, что возле левады, для попаса его кабылиц. Как присудите — дать, или не дать?

Зашумел снова Круг:

— Не дать!

— За что?

Тут кто-нибудь скажет:

— В час добрый!

И вдруг все согласятся:

— В добрый час! Пущай принимает!

— Что-нибудь да поставит!

Аксен Пахомович выходит на середину и кланяется Кругу, благодарит за «присуд»...

Есаул вызывает обвиняемого в каком-то поступке, тот выходит, кланяется Кругу и ждет своей участи. Есаул докладывает старикам его вину.

На Кругу опять шум, крики, споры и разговоры, никто не слушает, о чем идет речь. Между тем атаман возглашает:

— Вот, честная станица, старики присудили наказать его плетьми. Как прикажете? Простить-ли его или выстегать?

— В добрый час! — раздаются голоса. — Не лови рыбу в неурочное время...

— В добрый час! — кричит и молодой бравый казак, не расслышавший о ком идет речь. Сосед хватает его за руку и говорит:

— Да что с тобой, Левонтий! Это твоего отца бить хотят... А ты — в добрый час!

Левонтий машет руками и кричит на весь Круг:

— За что батюшку сечь? Не надо!

Если казаки находили, что какое нибудь дело не стоит внимания — они заявляли о том атаману и тот не делал о том деле доклада Кругу. Отсюда и сложилась на Дону поговорка: «атаман не волен и в докладе».

Так просто, по семейному, общим дружным сбором, единою душой решали казаки на станичных кругах все свои маловажные дела. Когда же дело касалось чего нибудь важного, затрагивавшего интересы всего Войска, постановлялось передать дело Войсковому Кругу на общее решение всем Войском.

Вскоре после славного подвига Ермака Тимофеевича и его смерти, перед Донскими казаками стали дела огромной государственной важности. Дело касалось — быть или не быть Московскому государству?

Много осторожности и глубокой мудрости показали в этом случае Донцы и вплели не одну красивую страницу в историю уже не только родного Войска, но и государства Российского.

XI.

Смутное время на Руси. Правление Бориса Годунова. Смерть царевича Димитрия. Первое появление Самозванца — Григория Отрепьева. Посольство Самозванца на Дон. Посылка атаманов Корела и Межакова к Самозванцу. Дворянин Хрущов. Казаки с Лжедимитрием в Москве.

Жуткие, кровавые 1584—1613 годы в Москве, русская история назвала смутным временем.

Подлинно: все замутилось в тогдашней обширной Московской Руси: великая началась смута.

У Царя Иоанна IV кроме сына Феодора был еще Димитрий. Он жил с матерью, Марией Нагой, в городе Угличе.

Царь Феодор Иоаннович был неспособен к управлению государством, расшатанным войнами и внутренними беспорядками в последние годы царствования его отца. Тихий, застенчивый, безвластный, он любил церковные службы, да колокольные звоны и чуждался дел

управления. За него правили Царством бояре. Среди них выделялся властолюбивый и твердый боярин Борис Годунов, татарского происхождения.

15-го мая 1591 года пришло известие из Углича, что 8-ми летний Царевич Димитрий в припадке падучей болезни закололся ножом.

В народе были сильно недовольны Царем Феодором Иоанновичем, вернее его правителем Борисом Годуновым. Крестьяне были прикреплены к земле и не могли, как раньше, переходить от одного помещика к другому. В Москве из-за неудачного подвоза хлеба был такой голод, что люди умирали на улицах. Страшный пожар истребил большую часть Москвы, населенную московской беднотой.

Все это приписали Годунову. И, когда в Москве узнали о смерти Царевича Димитрия, — народная молва стала утверждать, что Царевич убит по приказанию Годунова. Указывали и на убийц...

Потом пошли темные слухи, что Царевич не был убит, что убит был другой мальчик, что Царевича верные его слуги спасли, что он где-то, до времени, скрывается, придет и спасет Русь от Годунова...

Нашлись люди, решившие использовать эти слухи. Они под'искали молодого послушника, подходившего по возрасту к убитому Димитрию — Григория Отрепьева, переправили его в Литву, и стали распространять слухи, что Димитрий жив, что подлинный царь придет спасать Русь от Годунова.

Отрепьевым заинтересовались поляки. Король польский Сигизмунд послал средства на содержание самозванца. Лжедимитрия окружили католические священники и монахи-иезуиты, обставили Самозванца с царскою роскошью, прислали ему польское войско для похода на Москву.

Все эти московские настроения доходили до донских казаков. На Дону были очень недовольны Годуновым. Это в его правление пришла от Царя Феодора Иоанновича грамота, которой запрещалось воевать с азовцами, требовалось пускать азовцев на донскую землю. Годунов запретил донским казакам ездить в Московскую землю для продажи добычи и построил крепость на Донце Царев-Борисов, где задерживали казаков, ехавших в Москву.

От Годунова в Раздоры приезжал князь Вяземский, привезший от Царя грамоту. В ней говорилось что за борьбу с азовцами, которая может «царскому делу с Турским султаном учинить поруху» будет казакам «опала и казни и впредь к Москве вам к нам николи не бывать и пошлем на Низ Доном к Раздорам большую свою рать и поставить велим город на Раздорах и вас сгоним с Дона, и вам от нас и от Турского Салтана где избыти? Только почнете так воровать, как ныне воруете?»

Еще был князь Волконский в Раздорах в ожидании провожатых в Азов, когда прибежал из города Серпухова казак Нехорошко Картавый, служивший с другими казаками по вольному найму в Москве и рассказал, что «в Москве их товарищам нужа великая: государева жалованья им не дают, а на Дон не пускают, а служат на своих конях и корму им не дают, и иных в холопи отдают...»

Взволновался Войсковой Круг. Особенно шумели так называемые «голутвенные» казаки, «голытьба» — казаки бедняки, жившие по старинному набегами и добычей. Это касалось более всего их

— запрещение воевать с турками, ходить на Русь продавать добычу, это они нанимались на разные службы и это их хотели в «холопи» писать.

Заговорили на Кругу и о Годуновых угрозах. Слышали, что уже и начальник в те Раздоры, что грозил Царь поставить на место казачьих Раздор, назначен — дворянин московский Хрущов.

Круг вызвал Волконского к себе и в резкой отповеди отказался дать ему провожатых в Азов...

В эту пору прибыл от Самозванца на Круг литвин Свирский с грамотой от Димитрия.

Лжедимитрий писал в ней, что он «сын Царя Белого», что «вы, казаки, вольные христианские рыцари, присягнули бы тому Царю в верности...» «помогли бы ему свергнуть раба и злодея с Престола Иоаннова».

Пошли разговоры на Кругу.

— Не по русскому грамата писана.

— Николи мы никому не присягали. Всегда были вольным народом.

— Назвал нас вольными христианскими рыцарями, какая же тут присяга?

— Чего доброго ждать от Бориса Годунова? Надо настоящего искать Руси царя, который не покушался бы на наши вольности, не мешал нашему делу с азовцами. Может быть, и точно Димитрий есть сын Иоаннов, а не татарин Бориска?.. Может быть, тот Димитрий-то помягче будет?..

— С Москвой нам не воевать, а пособить новому царю отчего не пособить?

— И раньше мы царям пособляли — пособим и теперь.

И было решено послать к Самозванцу выборных атаманов Андрея Корела и Филата Межакова, чтобы те атаманы доподлинно узнали, точно ли Димитрий сын Иоаннов?

Корела и Межаков увидели у Самозванца роскошь польского стана, прекрасных коней, богатые одежды, польское войско в светлобронных доспехах и самого Самозванца, молодого, приятного в обращении, смелого и радушного. Атаманов хорошо кормили и поили.

Они вернулись на Дон и рассказали о всем виденном, но сказать подлинно ли то сын Иоаннов не могли.

— Надо кого попросить, кто Царя хорошо знал, а мы никогда царя не видали.

Рассказы Корелы и Межакова взволновали «голытьбу». Давно ожидала она хорошего похода, где можно было бы брать добычу. Казаки настояли перед Кругом, чтобы Кореле и Межакову было разрешено собрать отряд и итти к Лжедимитрию, в город Самбор. Собралось 8.000 казаков, добыли коней и оружие и собрались в поход.

Когда узнали о том в Москве, послали на Дон дворянина Хрущова отговаривать казаков от похода к Самозванцу.

Казаки выслушали грамоту Бориса и сказали:

— Это ты тот самый Хрущов, кого хотели назначить начальником всего Войска Донского?

Хрущов стал отговариваться. Казаки схватили его, заковали в кандалы и повезли в Самбор с атаманом Корелой.

3-го сентября 1604 года казаки привели Хрущова к палатке Самозванца.

Лжедимитрий вышел к нему в прекрасных одеждах. Хрущов залился слезами, стал на колени и воскликнул:

— Вижу Иоанна в лице твоем! Я твой слуга навеки!

—Так о чем же нам теперь говорить, — рассуждали казаки. — Ему виднее, чем нам.

Обо всем отписали в Войско, и Круг решил послать еще 4.000 казаков с Дона в помощь Самозванцу.

Эта казачья сила явилась главной опорой Самозванца.

Когда высланный от Бориса Годунова большой отряд воеводы Мстиславского опрокинул польскую рать Лжедимитрия, на Мстиславского неожиданно ударили Донцы и Мстиславский стал отходить к Москве.

13-го апреля 1605 года в Москве скончался Борис Годунов не сумев окончить смуты. На московский престол вступил сын Годунова, юный Феодор. Недолго процарствовал он. Слухи о приближении Самозванца дошли до Москвы. Чернь московская взволновалась, ворвалась в Кремль. Федор и его мать Мария Годунова были убиты.

В эту летнюю пору Самозванец в Туле принимал перебегавших к нему Московских бояр. Приведший к нему новое Донское подкрепление атаман Смага Степанович Чершенский был принят «прежде московских бояр».

Донские и запорожские казаки окружили Самозванца во время приема бояр и при Лжедимитрие «лаяли и позорили бояр». И сам Лжедимитрий «наказывавше и лаяше бояр якоже прямой царский сын и срамиша их за то, что они признали его позже казаков и простого народа...»

20-го июня 1605 года Самозванец во главе польской и казачьей конницы вступил в Москву.

В Москве Лжедимитрий «боярские дворы и животы (крепостных), и поместья, и вотчины роздал худым людям и казаком Донским и Запорожским». Казаки тех даров от Самозванца не приняли.

По свидетельству Палицына: «атаман Корела расхаживал по Москве и чудил, говоря, что он презирает блага мира сего... Тогда от злых врагов — казаков и холопей все умные только плакали, не смея слова сказать; только назови кто царя (Лжедимитрия) разстригою — тот и пропал...»

Самозванец послал в Войско знамя и требовал, чтобы войско Донское принесло ему присягу на верность. Но Войско того знамени не приняло и присягу принести отказалось. Службу у Самозванца атаманов Корела и Межакова Войско рассматривало, как их частное дело. И раньше так бывало, что казаки ходили служить даже и в иностранные государства — это не нарушало самостоятельности войска Донского.

Недолго, менее года, процарствовал Лжедимитрий в Москве. Только первые дни он был ласков и милостив к простому народу. Вскоре наехали в Москву гордые польские паны, приехала невеста Самозванца, польская княжна Марина Мнишек, с нею католические ксендзы и иезуиты. По городу пошли слухи, что русский народ и казаков будут обращать в католическую веру. Москва возмутилась, собралась около любимого в народе боярина Василия Шуйского. Вооруженная толпа 17-го мая 1606 года ворвалась в Кремль, растерзала Лжедимитрия и прах его развеяла по четырем ветрам. Не оборонило его польское войско.

Царем в Москве стал Василий Иванович Шуйский.

XII.

Войсковой Круг о Московских событиях. Второй Самозванец. Тушинский вор. Атаман Межаков наблюдает за событиями. Королевич Владислав. Граматы Троице-Сергиевой Лавры. Козьма Минин и князь Пожарский. Прокопий Ляпунов. Убийство казаками Ляпунова. Межаков переходит к князю Трубецкому.

В дни убийства Лжедимитрия донских казаков в Москве не было. Большая часть их с атаманом Корелой, получив награду за помощь, осенью 1605 года, отправилась на Дон. Человек 500 настоящих гулебщиков с атаманами Межаковым, Епифанцем, Коломной, Романовым и Козловым стали казачьим станом недалеко от Москвы, следя за тем, что делалось в Москве и отписывая о событиях в Войско.

Доклад в Раздорах, на Кругу, атамана Корелы слушали с громадным вниманием.

Первый раз донским казакам пришлось сражаться против Московской рати. Случалось и прежде, когда ходили они разбойничьими ватагами по Волге нападать на стрельцов, сопровождавших товары, но то были небольшие схватки, где все решалось быстро, круто и кроваво.

Рассказ казаков о битве 21-го января 1605-го года у села Добрынич, которую они наблюдали со стороны, когда они видели, как Царское войско сначала было опрокинуто запорожскими казаками и польской конницей, но не бежало, как воевода Мстиславский скоро устроил Московские полки и встретил полки Самозванца залпом из 12.000 ружей, после чего поляки и запорожцы стали отступать, запорожская пехота была истреблена; Лжедимитрий на раненом в ногу коне бежал и попался-бы в плен, если-бы его не выручили донские казаки.

Рассказ об осаде города Кромы, где донцы атамана Корелы и небольшая русская дружина Григория Акинфиева оборонялись от стотысячного войска Мстиславского, где один дрался против десяти, заставил казаков призадуматься.

«Худой мир лучше доброй ссоры» — так думали казаки, слушая о силе Московских войск. Москва сильна и средствами, и землями, и людьми. А говорится — «с сильным не борись, с богатым не судись».

Окруженная со всех сторон врагами «земля казачьего присуда» может существовать только тогда, когда подле нее будет кто-то сильный и могущественный, кто поможет казакам в случае беды. Военные

припасы, хлеб и одежда получались казаками от Московского Царства, с Московскими людьми торговали казаки, продавая заграницу своих земель добычу, полученную в набегах, рыбу и соль.

Пахать самим землю? Обратиться в мужиков-земледельцев? — Перестать быть казаками, перестать «казаковать», стать ремесленниками? Претило это казакам. Не хотели они расставаться со своею военною жизнью, со славою побед и набегов.

Так жить можно лишь тогда, когда было какое то неписанное соглашение с Москвою Царей и Великих Князей Иванов и Василиев, когда разрешалось казакам бороться с азовцами, когда на них возложено было охранение Московских южных рубежей, разведка и провожание Московских послов и торговых людей к Крымцам и Туркам...

Ныне — в Москве поляки; католики, схизматики, надменные ляхи, презирающие казаков. С польскою Москвою нельзя жить и дружить. Идти под самого короля Сигизмунда, искать помощи и защиты у Польши еще того хуже. Много наслышаны были от Запорожцев Донцы, что такое польская власть... Переходить к своему злейшему врагу, с кем всегда боролись Донцы, к Турецкому султану?..

Ясным было одно — без Москвы казакам не жить... Худо-ли — хорошо-ли с Москвою, мать или мачеха Москва, но нужно идти с Москвою. Нужно помочь тамошним людям преодолеть смуту и заслужить перед Москвою, чтобы жить по прежнему.

Знали казаки, что смута в Московском царстве продолжалась.

Поляки и Московские бояре, завистники Василия Шуйского пустили слух, что в Москве был убит не Лжедимитрий, но какой то немец, что Лжедимитрий спасен. В стане польском появился новый Лжедимитрий — Лжедимитрий II. Он шел с польскими полками Гетмана Рожинского на Москву и стал в укрепленном лагере у села Тушина. В Москве назвали его «Тушинским вором». Часть донских казаков с атаманом Епифанцем явилась в Тушино и увлеченная обещаниями наград от польских воевод Сапеги и Лисовского согласилась принять участие в осаде Троице-Сергиевой Лавры. Казаки неохотно пошли на это. Поляки, считая Епифанца человеком неверным, решили отделаться от него и убить его. Казаки узнали про это. Зашумел Донской казачий стан. Казаки собрались в круг и вынесли постановление: — «не делать зла царствующему городу Москве и стоять с православными заодно на иноверных».

Ночью донцы поседлали коней и ушли из польского стана на Дон. Литовская конница догнала Епифанца на реке Клязьме у деревни Вохпы. Начались переговоры. Казаки были непреклонны в своем решении; Литовцы хотели обезоружить донцов, но те не дались. Отряд Епифанца пошел на Дон, выделив небольшие силы для наблюдения за тем, что будет дальше. Во главе этого наблюдательного отряда стал атаман Межаков.

Он донес в Войско, что на Московское Царство с большим войском идет польский король Сигизмунд. Московские города один за другим сдаются ему. К Сигизмунду прибыли московские бояре просить короля, чтобы в Москве царствовал его сын королевич Владислав. В августе бояре, сдаваясь на милость полякам, писали в договоре: — «на Волге, на Дону, на Яике и на Тереке казаки будет надобе или ненадобе, о том Государю Королевичу говорить с бояры и с думными людьми, как будет на Государстве...»

Самое существование казачьих войск становилось под вопросом. Бояре московские предавали казаков.

На Дону собрали большое войско и с атаманами Марковым и Епанчиным послали на поляков.

Слухи о таком предательстве Московских бояр дошли и до отряда Межакова. Они взволновали казаков, но еще более взволновали их граматки, посылаемые из Троице-Сергиевой Лавры монахом Авраамием Палицыным, с безпощадною правдою писавшем о несчастиях Московской земли.

«Отечество терзали более свои, нежели иноземцы», писал Палицын, — «наставниками и предводителями ляхов были наши изменники. С оружием в руках ляхи только глядели на безумное междоусобие и смеялись. Оберегая их в опасности превосходным числом своим, Русские умирали за тех, которые обходились с ними, как с рабами. Вся добыча принадлежала ляхам и, избирая себе лучших юношей и девиц, они отдавали на выкуп ближним и снова отнимали их... Многие гибли уже не за отечество, а за свои семейства: муж за жену, брат за сестру, отец за дочь. Милосердие исчезло: верные царю люди, взятые в плен, иногда находили в ляхах жалость и уважение; но русские изменники, считая их противниками царя Тушинского, подвергали жестокой смерти: кидали в реки, расстреливали из луков, перед родителями жгли детей, носили их головы на саблях и копьях, младенцев разбивали о камни. Смотря на это, сами ляхи содрогались и говорили: — что-же будет нам от россиян, когда они и друг друга губят с такой лютостью? В этом омрачении умов все хотели быть выше своего звания: — рабы — господами, чернь — дворянством, дворяне — вельможами. Не только простые простых, но и знатные знатных обольщали изменою. Вместе с отечеством гибла и церковь: храмы были разоряемы: скот и псы жили в алтарях, воздухами и пеленами украшали коней, из чаш со святыми Дарами пили, на дискос клали мясо, на иконах играли в кости... Священников и иноков жгли огнем, допытываясь сокровищ. Города пустели. Могилы, как горы, везде возвышались. Граждане и земледельцы укрывались в дебрях, в лесах и болотах. Грабители, чего не могли взять с собою, сожигали дома и все, превращая Россию в пустыню...»

Жесткие и правдивые слова граматок доходили до сердец многих и многих русских. Все видели развал кругом. Раздавались голоса: — «нужно нам всем, православным, возстать и прекратить это ужасное зло... Нельзя этого терпеть дальше...»

В Нижнем Новгороде купец Козьма Минин собирал пожертвования на вооружение и содержание ополчения. Кто что мог несли ему. Отдавали крестильные кресты, несли обручальные кольца, женщины приносили свои украшения; поднимался народ. Собирались люди, готовые жертвовать собою за Родину. Во главе ополчения стал доблестный князь Пожарский и повел ополчение на выручку Москве.

Не остались равнодушными к этому освободительному движению и донцы атамана Межакова. Межаков явился к Ляпунову и сказал, что донцы готовы постоять за Русь и за веру православную.

Стан Ляпунова полнился разными людьми. Пришли к Ляпунову и недавние сторонники Лжедимитрия, князь Димитрий Трубецкой и

Заруцкий, называвшие себя «казацкими атаманами». Они привели с собою Московскую чернь, беглых воров и разбойников.

10-го декабря 1610-го года Лжедимитрий II был убит. Поляки короля Сигизмунда заняли Москву.

В начале марта 1611-го года, не дожидаясь распутицы, разные ополчения пошли к Москве. Пожарский ворвался в окраины города. Москвичи заволновались. Народ, стрельцы и ополченцы князя Пожарского загнали было поляков в Кремль. Москва горела в рззных местах.

Ляпунов пошел к Москве с юга. В его стане было неблагополучно. Единственною твердою и дисциплинированною частью у него были донцы атамана Межакова. Все остальные занимались грабежами и пьянством. Ляпунов пытался восстановить порядок, но люди Заруцкого заволновались и решили его погубить. В стане Заруцкого была составлена поддельная грамата будто от Ляпунова, где говорилось: — «казаки — враги и разорители Московского Государства. Их следует брать и топить, куда только они придут. Когда, Бог даст, Московское Государство успокоится, тогда, мы истребим этот злой народ».

Донцы, прочитав эту грамоту, возмутились, собрались на круг и потребовали к себе Ляпунова. На круг явились и люди Заруцкого. Ляпунов пытался оправдаться, но люди Заруцкого стали наседать на него с своими обвинениями. Произошла свалка и Ляпунов был на кругу зарублен.

Когда слух об убийстве на казачьем кругу Ляпунова распространился по Руси восточные и северо-восточные города послали граматы: — «казаков в города не пущати... а выбрати бы нам на Московское государство Государя всею землею Российския державы; а будет казаки учнут выбирати Государя по своему изволению одни, не сославшася со всею землею, и нам того Государя на Государство не хотети...»

Под влиянием этих грамот Межаков с донцами стал под команду Трубецкого и Заруцкого.

XIII.

Безпорядки в стане князя Трубецкого. Осада Москвы. Межаков переходит к князю Пожарскому. Примирение князей Трубецкого и Пожарского. Донцы выгоняют короля Сигизмунда из Московского царства. Земский собор 21-го февраля 1613-го года. Участие атамана Межакова в выборе царя Михаила Феодоровича Романова.

Ни князь Димитрий Трубецкой, ни Заруцкий не могли справиться с набранным ими ополчением. Беглые холопы, равнодушные к судьбам Российским, тупые и жадные, не понимали величия совершавшегося вокруг них. Они могли только пьянствовать и грабить население. Они называли себя — «казаками». И это было оскорбительно для донцов Межакова. Донцы старались держаться в стороне от этой рати Трубецкого.

Оттесненный от Москвы к Ярославлю князь Пожарский, 20-го августа 1612-го года подошел к Москве и остановился в пяти верстах от города, на реке Яузе.

Князь Трубецкой, стоявший под Москвой, послал гонцов к Пожарскому звать князя к себе, чтобы вместе итти на Москву.

Из стана Пожарского ответили: «отнюдь не бывать тому, чтобы нам стать вместе с ворами казаками».

Трубецкой и его «казаки» обиделись и остались стоять неподалеку от Пожарского по другую сторону реки Яузы, наблюдая за его действиями, но не принимая участия в боях.

Князь Пожарский приступил к осаде Москвы.

Польский гетман Ходкевич спешил на помощь полякам, засевшим в Москве. Вечером 21-го августа Ходкевич занял Поклонную гору, на рассвете 22-го перешел через Москва реку и атаковал ополчение князя Пожарского. С восхода солнца, в продолжение семи часов, поляки бились с ополченцами.

Князь Трубецкой, его начальники и Межаков, наблюдали за боем. Они смеялись над неудачами Пожарского.

— Так им и надо... Богаты пришли из Ярославля! отстоятся и одни от гетмана.

Солнце перевалило за полдень. Полки Пожарского отступали к стенам Москвы. Польские конные латники понеслись в атаку на мужицкую конницу Пожарского. Та не приняла атаки и стала покидать коней для пешего боя. Поляки врубились в мужицкие ряды.

Возмущенный видом этого избиения русских поляками Межаков подошел к князю Трубецкому и сказал:

— От вашей нелюбви к Московскому государству пагуба становится!

Вскочив на коня, он помчался к своим донским полкам и понесся с ними на поляков.

Атакованные сзади поляки смешались, повернули и ушли за Поклонную гору. На другой день Ходкевич, силы которого были потрепаны в бою, пошел от Москвы.

Перед Пожарским были лишь небольшие силы поляков, крепко засевшие в Кремле. Они ожидали помощи от короля Сигизмунда.

Пристыженный Межаковым князь Трубецкой примирился с князем Пожарским и оба ополчения пошли на Москву.

У Волоколамска король Сигизмунд был разбит донскими казаками атаманов Маркова и Епанчина и бежал до самой границы Польши, неотступно преследуемый донцами. В эту пору сложилась поговорка: пришли казаки с Дона — погнали ляхов к дому...»

22-го октября, войска князя Пожарского приступом взяли предместье Кремля Китай-город. Вскоре над Кремлем показалось белое знамя — поляки сдавались Пожарскому. В Кремле нашли поруганные святыни церкви, котлы с человеческим мясом и изголодавшихся поляков. Мерзость запустения была в Москве.

Нужно было приступать к строительству Москвы. Князь Пожарский, Трубецкой, прибывшие из Троице-Сергиевой Лавры монахи архимандрит Дионисий и келарь Авраамий выпустили воззвание, призывая поместных людей на Московский Земский Собор для решения государственных дел.

Келарь Авраамий приехал к атаману Межакову и привез ему золотую и серебряную церковную утварь в награду за помощь Московскому ополчению. Атаман Межаков отказался принять церковное достояние.

— Донцы, — сказал он, — почитали своею обязанностью и долгом помочь Москве. Не ради награды шли они на бранный труд. Они поклялись, не освободивши Москвы, не итти на Дон...

Среди полков Московского ополчения донские казаки были самою лучшею, верною и дисциплинированною частью. Они стали в ту пору первыми людьми в Москве. Боярский сын Иван Философов в конце ноября 1612 года показывал полякам: «бояре и лучшие люди хотят на царство Владислава, но прямо говорить не смеют, боясь казаков. А казаки-де говорят, чтоб обрать кого из русских бояр и примеривают Филаретова сына и Воровского Калужского. И во всем-де казаки бояром и дворяном сильны, делают что хотят...»

21-го февраля 1613 года Земский Собор собрался в Москве. Первым делом было приступлено к избранию Царя. Между боярами было большое волнение — каждый имел своего ставленника. Многие тянули к польскому королевичу. Стали подавать голоса. Первым выступил Галицкий дворянин и сказал, что «быть на царстве Михаилу Феодоровичу Романову».

Раздались в собрании сердитые голоса:

— Кто принес?

— Откуда?

— Молодший помеж боярских родов... Есть и познатнее и постарше.

В разгар этих пререканий из рядов выборщиков вышел донской атаман Межаков и подошедши к столу, за которым сидел князь Пожарский положил записку.

— Какое это писание ты подал, атаман? — спросил Пожарский.

— О природном царе Михаиле Феодоровиче Романове, — громко ответил Межаков.

Летописец, записавший действия и постановления Собора отметил: «прочетше писание атаманское, бысть у всех согласен и единомыслен совет...»

Иначе и не могло быть. В тогдашней разнузданной и разноголосой Москве, полной всякой преступного сброда, единственной силой, с которой считались и которой боялись, были донские казаки. Так много они в ту пору сделали для спасения земли от поляков. Поляки же прямо уверяли, что «Михаила выбрали не бояре, а взбунтованное казачество».

После выборов Царя Собор не раз'ехался, но приступил к решению многих дел, возникших в пору смутного времени. Между ними была и жалоба донских казаков на то, что «казаками» называют всяких воров и розбойников и этим порочат имя казака.

Собор разобрал эту жалобу и в сентябре 1613 года вынес постановление: «К атаманам и казакам, которые стоят в уездах и Государеву землю пустошат послать людей от Собора и предложить тем атаманам и казакам, которые хотят отобратися от воров, имен своих списки прислать к Государю и идти на Государеву службу, за кото-

рую царь пожалует их денежным жалованьем. Верным казакам стоять за один и над ними промышлять для того, что они пуще и грубнее Литвы и немец и «казаки» тех воров не называть, чтобы прямым атаманам, которые Государю служат, тех воров казачьим именем безчестья не наносить...»

В Москве на Красной площади, стоял прекрасный памятник князю Пожарскому и Козьме Минину, спасителям Москвы.

Памятника Феофилакту Межакову и его донцам Москва нигде не поставила.

Историк В. Ключевский пишет: ...«повернувшись лицом на запад к своим колониальным богатствам, к своей корице и гвоздике, Европа чувствовала, что сзади, со стороны Урало-алтайского востока, ей ничего не угрожает и плохо замечала, что там идет борьба, что переменив, две главные боевые квартиры на Днепре и Клязьме, штаб этой борьбы переместился на берега Москвы и что здесь в XII веке образовался центр государства, которое, наконец, перешло от обороны в наступление на азиатское гнездо, спасая европейскую культуру от татарских ударов. Так мы очутились в арьергарде Европы, оберегали тыл европейской цивилизации. Но сторожевая служба везде неблагодарна и скоро забывается, особенно, когда она исправна; чем бдительнее охрана, тем спокойнее спится охраняемому и тем менее расположены они ценить жертвы своего покоя...»

Эти слова историка Ключевского в полной мере можно отнести к отношениям Московского государства к Донскому войску. «Самодурью» образовавшееся на юге России казачье государство стало прочной охраной и защитой России, не раз являлось спасителем ее, но «сторожевая служба везде неблагодарна и скоро забывается...» Москва очень скоро забыла жертвы и подвиги охранителей своего степного юга.

Войско же Донское в ближайшие годы показало на какие величайшие подвиги способно оно ради спокойствия, тишины и неприкосновенности русских рубежей.

Конец первой книги.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.